

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Смолькин А.А.

**Политика возраста.
Анализ поколенческой стратификации
российского общества**

Москва 2016

Аннотация. В данной работе проводится анализ ключевых характеристик социального статуса пожилых людей в России.

Ситуация межпоколенческих контактов в ряде случаев изначально оказывается потенциально-конфликтной: для молодежи характерны настороженно-безразличные аттитюды по отношению к пожилым людям. Негативные ожидания каждой из сторон помогают истолковывать всякие неоднозначные действия другого как потенциально конфликтные, что обостряет ситуацию, не оставляя место тому, что можно было бы описать как «нейтральное поведение». Ограниченность в средствах представителей третьего возраста способствует возникновению особых поведенческих практик, дающих тактическое преимущество, но потенциально способных понизить статус пожилого человека и способствовать закреплению негативных стереотипов о старости.

Смолькин А.А., заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1 Социальные стереотипы	8
1.1 Аттитюды: схемы для сборки отношений	8
1.2 Стереотип как инструмент упрощения	11
1.3 Стереотип как разоблаченная истина?	13
1.4 Неявные стереотипы: обратная сторона сознания	14
1.5 Генеалогия стереотипов	15
1.6 Атрибуции: объясняя действия Другого	18
1.7 Особенности стереотипов	20
1.8 Выводы	22
Глава 2 Отношение к пожилым людям в повседневной жизни	23
2.1 Методы	24
2.2 Интервью как взгляд через самоописания информантов	25
2.3 Эффект интервьюера	26
2.4 Сенситивные вопросы	29
2.5 Пограничные ситуации сенситивности	30
Глава 3 Концептуальная картина «непроявления уважения»: неоднозначность практических ситуаций межпоколенческого взаимодействия	37
3.1 Специфика повседневных межпоколенческих конфликтов	39
3.2 В ожидании конфликта: «Бывают такие, злые на весь мир...»	40
3.3 Пожилые охотники за общением: мелкий конфликт как способ коммуникативного бытия	43
3.4 Безадресные жалобы	46
3.5 «Свой мир уходит»: апелляции к гармонии старых порядков	48
3.6 Советский стиль общения	51
3.7 «Преступное бездействие» и неразличимость «нейтрального» отношения	57
3.8 Нереализованность уважительного отношения и его причины	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	68

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Согласно данным статистики, на 2014 год доля представителей старших возрастов (лиц предпенсионного (т.е. старше 50) и пенсионного возраста) составила 35% от всего населения России. Таким образом, более трети населения страны являются (или станут в ближайшее время) объектами исследования социологии старения – дисциплины, которая в нашей стране находится лишь в стадии становления, что актуализирует необходимость создания общего обзорного описания положения пожилых людей в современной России. Проблема имеет значительный гендерный уклон: среди населения старше 50 лет женщин в 1,5 раза больше. «Женское лицо» старости проступает со временем: если в группе 50-59 лет мужчин всего на 5% меньше чем женщин, а в возрастной группе 60-69 лет соотношение мужчин и женщин 2:3, то у 70-летних соотношение увеличивается до 1:2 (32% и 68% соответственно), а в группе 80 лет и старше – до 1:3 (24% и 76%). Объект нашего исследования оказывается, таким образом, одновременно под прессом как эйджистских (связанных с возрастом), так и гендерных стереотипов.

Произошедшие за последние десятилетия существенные социокультурные трансформации российской действительности сделали проблему социального статуса пожилого человека еще более сложной и многомерной, обесценив во многом и жизненный опыт, и установленные социальные связи, и прочие капиталы, накопленные людьми в течение жизни.

В связи с этим представляется особенно актуальным исследование того, каким оказывается социальный статус пожилого человека в современной России, какие материальные и нематериальные факторы на него влияют и как отражаются эти статусные характеристики в повседневном взаимодействии.

Кроме ряда обозначенных практических проблем, это направление исследований имеет важное теоретическое значение, поскольку одной из ключевых сложностей в развитии социологии старения является ее общая слабая интегрированность в социальную теорию, в то время как, по нашему мнению, эта линия исследований может иметь интересную с точки зрения теории линию развития.

Как мы уже формулировали ранее, «старость является подлинно социальным феноменом – только социальные отношения с устойчивыми элементами взаимопомощи делают старость возможной, так как вне таковых пожилой человек, будучи в известной степени несамостоятельным, не может существовать» [Смолькин 2004]¹. Именно поэтому старость оказывается особенно чувствительной к различным формам дискриминации, статусным потерям и прочим близкородственным ситуациям (иными словами, различными формами нарушения социальной солидарности), которым другие возрастные группы или группы, обладающие большими ресурсами, могут сопротивляться гораздо эффективнее.

Социальный статус старости выступает как «социально предписываемый проект, под которым мы понимаем набор установлений (правил, законов, принципов, норм, ценностей), как определяющий допустимые действия других по отношению к данной возрастной группе, так и регламентирующий поведение членов последней» [Там же].

Концепт «социальный статус» используется в социологии в двух основных смыслах: позиция в социальной структуре (а также, соответственно, связанные с ней права/обязанности, ролевой набор, соответствующие экспектации) и престиж, положительная/отрицательная репутация, то есть актуальные представления об этой позиции, выраженные в отношении/действии (понимаемом здесь максимально широко), [высказанная] оценка ее значимости. Следовательно, в последнем значении статус может быть понят как прочтение позиции в социальной структуре через набор актуальных стереотипов (например, популярность профессии космонавта в СССР). В этом контексте стереотип допустимо определить как гипотетическую оценку размера/качества капиталов, которую в дальнейших действиях склонны использовать уже как общеизвестный/установленный факт. Иными словами, стереотип функционирует как своего рода коэффициент перцепции – конвертирования действительных капиталов в социально воспринятые/признанные.

Следует оговориться, что речь будет идти преимущественно о групповых и ситуативных статусах, так как личные/неформальные статусы в рамках малых групп

¹ Примечательно, что первые палеоантропологические находки останков пожилых людей (1,77 млн. лет назад, Грузия, Дманиси) относятся именно к тому периоду, когда у ранних людей начинает стремительно увеличиваться объем головного мозга, появляются первые жилища, а изготовление орудий труда претерпевает первое заметное усложнение относительно встречающихся ранее примитивных каменных отщепов, чье рукотворное происхождение может быть поставлено под сомнение.

значительно менее подвержены воздействиям стереотипов – или, по крайней мере, в этих случаях действуют иные логики. Также необходимо разделить идеальные представления о статусе, служащие ориентиром в оценке сложившейся ситуации на предмет соответствия/несоответствия представлениям о справедливости и прочих ценностях того же порядка, и реально существующее положение дел.

Как мы показывали ранее, установки социального проекта старости воплощены в стереотипах. Стереотипы о старости, сформировавшиеся в обществе, в первую очередь обусловлены реальным положением пожилых людей в нем. Социальный статус человека зависит от множества факторов, имеющих как «практическое» (к примеру, экономические возможности, специфика выполняемых функций и т.п.), так и моральное измерение (например, предыдущие заслуги, социально одобряемый стиль жизни) [подробнее см. 76].

Таким образом, следуя логике М. Вебера, и выделяя в понятии «социальный статус» два возможных измерения – 1) социальную позицию в структуре, и 2) отношение к ней, мы, ориентируясь на практический результат, при рассмотрении социального статуса пожилых людей, анализируем первую составляющую через концепцию социальной эксклюзии, а вторую – через призму стереотипов о старости.

Одно из базовых предположений, проверяемых в этом исследовании, было сформулировано нами ранее на основе идей П. Бергера и Т. Лукмана, и предполагает, что типизация субъекта как исполнителя определенной функции задает стереотип ожидаемых вариантов его поведения, устанавливая границы как легитимизирующего, так и ограничивающего характера [Бергер, Лукман, 1995, с. 124]. Одним из маркеров такого рода типизации является, в частности, социальный возраст, связанный «с ожиданиями и требованиями общества по отношению к социальной роли и статусу индивида в данном возрастном периоде. Очень часто он привязывается к календарному возрасту, так как законодательные и общественные инициативы ориентированы на среднеожидаемый вариант. Здесь следует отметить, что в современных обществах пожилым людям можно навязать статус с большей легкостью, чем другим возрастным группам» [Смолькин 2004, с. 17].

Согласно Г. Спенсеру, большинство почетных или подчеркивающих высокий статус обращений в европейских языках (Signor, Sire, Seigneur и т.п.) изначально были связаны с идеей старшинства; аналогичное значение имеет слово «шейх», что

объясняется тем, что понятия старости и могущества в доиндустриальных обществах, видимо, мыслились как взаимосвязанные [Спенсер 1999, с. 948-949].

Следует отметить, что проблемы ресоциализации представителей третьего возраста не являются обусловленными исключительно физиологической спецификой старения как такового, но, напротив, имеют социальные причины. Об этом, в частности, свидетельствует сравнительный анализ круга повседневных проблем пожилых людей и бывших военнослужащих – среди последних наибольшие проблемы имеют уволенные в 30-40-летнем возрасте. Основными причинами этой ситуации являются безразличие со стороны должностных лиц, дезинтегрированность, что порождает ощущение ненужности, перманентного беспокойства о настоящем и неуверенности в будущем, иногда почти отчаяние [Образцов, Соловьев 1998, с. 70-81] – иными словами, комплекс проблем, характерный и для пожилых людей [Смолькин 2004].

Возрастные статусы являются, как правило, аскриптивными (предписанными), и обретаются в логике возрастной последовательности. В современных обществах возрастные статусы, относящиеся к старости, как правило, являются деонтическими, опирающимися главным образом на концепт долженствования и соответствующие ему (нравственные) нормы, а не на актуальные/эффективные капиталы. Главная составляющая статуса пожилого человека в логике капиталов П. Бурдьё – символические капиталы особого рода, неоплаченный кредит общества, который необходимо вернуть в виде уважения/заботы. В результате этого для статуса пожилого человека характерна статусная рассогласованность, поскольку статусы пожилых главным образом конструируются через, например, централизованные решения государства, а не являются продуктом естественных процессов.

Глава 1 Социальные стереотипы

Биологическая основа восприятия настолько жестко задана рамками общественных представлений, что восприятие следует считать социальным феноменом. Окружающее не познается человеком непосредственно во всей своей полноте, а попадает в сознание через перцептивные фильтры, усвоенные в процессе жизнедеятельности. «Перцепция есть то, посредством чего мы пребываем в мире, или то, посредством чего мы «обладаем» миром, как хотим» [Лиотар 2001, с. 72] – писал Лиотар, однако здесь уместнее пассивный залог – речь скорее идет о «как нам позволяет социальная среда». Перцепция во многих случаях представляет собой *механизм упрощения реальности* посредством избирательного внимания или компрессии данных до таких смыслов, которыми человек в состоянии относительно легко манипулировать. Неточность интерпретации воспринимаемого практически неизбежна и обусловлена искажениями, порождаемыми не только ограниченностью и фрагментарностью перцепции, но и языковой неоднозначностью/неполнотой, различными формами цензуры доходящей до субъекта информации, наконец, самой природой повседневного объяснения, склонного к построению скорее поверхностно-логических, чем глубоких аналитических схем. Именно особенности/искажения процесса социальной перцепции создают в итоге основание для дискриминационных практик.

1.1 Аттитюды: схемы для сборки отношений

Термин аттитюд² впервые ввел в научный оборот в 1862 году Г. Спенсер, но первыми классическими работами на эту тему считаются написанные в 1930-1950-х годах труды американского социального психолога Гордона Оллпорта, не выходящие из научного оборота до сих пор [Леонтьев 2002, с. 24].

² Английское слово *attitude* пополнило терминологический словарь отечественной гуманитарной науки в оригинальном виде потому, что его наиболее естественный перевод (отношение) допускает двойное прочтение – отношение как «позиция» и как «взаимодействие» (в английском для передачи последнего смысла используется слово *relation* (связь, соотношение). Иногда *attitude* переводят как «установку», но считается, что такой вариант нежелателен, так как в отечественной научной традиции последний термин ассоциируется с трудами Д.Н. Узнадзе и грузинской психологической школы в целом, в рамках которых изучались главным образом установки физиологического (это значение в англоязычной традиции передается термином *set*), а не социального типа.

Современные авторы трактуют аттитюд как предрасположенность к специфической, положительной или отрицательной реакции/ответу на объект отношения. Ключевыми характеристиками аттитюда следует считать оценивание объекта и интенцию к реакции/ответу. Аттитюд реализуется на уровне намерений, и его не следует путать с поведением/действием; в последнем случае аттитюды выступают как мотивация, (пред)определяя форму и манеру действия и задавая его рамки (в грузинской психологической школе установка определялась как мост между сознанием и поведением [Имедадзе 1989, с. 96]). Понятие «аттитюд» является относительно нейтральным и оказалось приемлемым для многих гуманитарных/обществоведческих подходов, превратившись в междисциплинарное понятие [Oskamp 2005, р. 4-5]. Уже к середине 1960-х гг. было предложено около 70 определений аттитюда [Howarth 2006, р. 694].

Аттитюды могут быть базовыми, относящимися к мировоззренческим позициям, и периферийными, ситуативно изменчивыми. Объектом аттитюдов могут выступать не только люди, группы людей, предметы или действия, но и абстрактные понятия (например, пенсионная система) или даже группа понятий (например, монетизация льгот для определенных слоев населения). Фундаментальная особенность аттитюдов – их субъективность, отражающая способ видения мира, но не характеристики самого объекта отношения, так как они представляют собой отражение имеющихся у субъекта ценностей/идеологий, и построены по схеме субъект – ценность(-и) – объект. Как правило, по отношению к объекту существует не один, а скорее группа аттитюдов, в зависимости от числа наличествующих схем понимания объекта [Oskamp 2005, р. 8, 13]; впрочем, отдельный аттитюд может предполагать несколько вариантов действий, объединенных одной интенцией. В результате аттитюды к пожилым людям могут латентно в той или иной степени активизировать/включать в себя аттитюды к действующей модели социальной защиты, нетрудоспособным, инвалидам, бедности, медицинскому обслуживанию и т.д.

Иногда как синонимы аттитюда используются термины «верование», «мнение». Но верования главным образом сосредоточены на познавательном аспекте, в то время как аттитюды подразумевают эмоциональную интенцию; мнения же, как правило, являются оценочными верованиями, и структурно близки скорее стереотипам, выступая составной частью аттитюда. Некоторыми исследователями

стереотип определяется как особый вид аттитюдов [Рождественская 1986, с. 70], однако, следуя выбранной логике анализа, стереотип скорее следовало бы определить как составную часть некоторых аттитюдов, поскольку он обычно не содержит поведенческого компонента.

Также не синонимичны аттитюдам привычки – образцы повторного поведения, как правило, по своей природе безоценочные, тогда как аттитюды не являются поведением и предполагают оценивание. Считается, что близкие к привычкам индивидуальные характеристики вообще не являются оценочными, и представляют собой более широкие поведенческие образцы, то есть могут предполагать множество моделей поведения и применяться к множеству различных объектов [Oskamp 2005, p. 13-15].

Классические представления предполагали, что аттитюд состоит из трех взаимосвязанных компонентов: аффективного (эмоционального), когнитивного (познавательного) и поведенческого, хотя они могут иметь различный вектор оценки, вплоть до противоположного (так, мы можем эмоционально не принимать некое явление или объект, когнитивно признавая его значимость и вообще никак не выражая это в поведении). Современные исследователи считают, что такая модель слишком формальна, поскольку (взаимо)влияние/соотношение этих компонентов весьма индивидуально; кроме того, вызывает сомнения уместность наличия в структуре аттитюда поведенческого компонента, коль скоро его практической функцией является предсказание поведения. Сегодня, как правило, предпочтение отдается менее строгим схемам, в которых три указанных компонента выступают как отдельные блоки, которые, в зависимости от ситуации и объекта отношения, могут и не иметь друг с другом непосредственной связи, и даже не иметь внутренней последовательности – например, верования об одном и том же объекте могут противоречить друг другу [Oskamp 2005, p. 9-11]. Радикальный вариант такой ситуации – двойственный аттитюд, включающий полярные оценки объекта. Считается, что в устоявшихся отношениях двойственный тип аттитюдов хуже прогнозирует поведение, которое начинает в большей степени зависеть от контекста, актуализирующего тот или иной вариант оценивания. Как правило, люди стремятся к формулировке последовательной позиции, и попытки преодолеть рассогласованность между компонентами аттитюда часто ведут к его изменению. Аттитюды с высокой оценочной последовательностью, когда оценки объекта

различными компонентами аттитюда совпадают или близки, отличаются большой устойчивостью и реализуются в действиях с большей вероятностью [Encyclopedia of Sociology 2000, p. 187].

Ключевой элемент типологии аттитюдов – представления об их целях: инструментальные аттитюды классифицируют объекты по их способности представлять прагматический интерес, в то время как символические аттитюды связаны с проблемами идентичности. Большее влияние на аттитюды имеют аргументы того же характера, что и функции аттитюдируемых объектов: в отношении прагматически полезных объектов убедительнее оказываются инструментальные аргументы, и наоборот.

1.2 Стереотип как инструмент упрощения

В отличие от мнения, явления индивидуального порядка, под стереотипом понимается обычно набор представлений достаточно большой группы людей, «расхожая истина». Термин «стереотип» (от греч. *stereos+typos* — «твердый»+«отпечаток») был введен в научный оборот американским журналистом и политическим аналитиком Уолтером Липпманом в 1922 году в книге «Общественное мнение». Само слово заимствовано им из типографского дела, где оно означает печатную форму для выпуска многотиражных изданий, которую трудно менять, если она уже набрана. Любопытно, что и другие близкие по смыслу термины типографской лексики (клише, штамп) в повседневной речи широко употребляются примерно в том же значении, что и «стереотип», да и в целом совпадение по времени начала рефлексии по поводу социальных стереотипов и расцвета влияния средств массовой информации на материалах такого масштабного и одновременно удаленного от Америки события, как первая Мировая Война, разумеется, не случайно; значительная часть текста Липпмана как раз и посвящена анализу функционирования газет, отмечая попутно потенциально высокое влияние кинематографа и визуализаций в целом [Липпман 2004, с. 105, 170].

Липпман исходил из постулата гештальт-психологии, что человек сначала формулирует представление об объекте, и лишь затем «видит» его; так как разнообразие реальной действительности существенно превышает познавательные возможности человека, проще и практичнее воспринимать мир по упрощенным схемам. Обычно отдельный человек детально знаком лишь с небольшим фрагментом

реальности, а интерпретацию не входящего в его непосредственную повседневность передоверяет стереотипам. Совокупность стереотипных представлений и образует социальную реальность. Идеи Липпмана о стереотипах стали основополагающими для дальнейшего анализа этой проблематики.

В современном понимании стереотип – ментальное изображение/схема или обобщенный/упрощенный набор верований о социальном явлении(-ях) или объекте(-тах), как правило, эмоционально окрашенный и устойчивый к изменениям. Справедливо выделить по крайней мере две составляющие стереотипа – аффективную (эмоциональную) и когнитивную (познавательную). Стереотип выражает привычное восприятие человеком некоторого явления/объекта, сложившееся под влиянием социальной среды и предшествующего опыта. Основной психологической функцией стереотипов является **функция упрощения**. Стереотипизация рассматривается сегодня как частный случай категоризации, важнейший когнитивный процесс, позволяющий человеку оценивать объекты/явления с минимальной затратой ресурсов, как способ «распознавания знакомого в новом и превращения его в новое знакомое» [Madon 2005, p. 126], поддерживая иллюзию бесконечно понятной окружающей действительности. Являясь наиболее показательным механизмом упрощения, стереотипы чаще возникают/используются в ситуациях недостаточного внимания/низкой мотивации к познанию [Taylor 1982, p. 179], помогая преодолеть не только информационные перегрузки, связанные с количеством данных, но и их качественную неопределенность. Упрощения могут порождать искажения, в результате чего с помощью стереотипов субъект способен находить/предполагать необходимые ему смыслы даже там, где их нет, что позволяет осознанно/подсознательно конструировать социальное пространство.

Социально-психологические функции стереотипов более разнообразны. Стереотипы, устанавливающие границу между своим(и) и чужим(и), функционируют как важный рубеж психологической обороны, позволяющий конструировать и поддерживать чувство собственного достоинства и значимости на групповом и индивидуальном уровне за счет других социальных субъектов (функции индивидуальной/групповой (само)идентификации; им родственна экспрессивная функция, позволяющая (публично) демонстрировать значимые для субъекта ценности, обозначать свою групповую принадлежность, позицию в

социальной структуре), формулировать самооправдательные объяснения для дискриминационных действий и их воспроизводства (функции идеологизации/легитимации), минимизировать психологические угрозы со стороны других (ценностно-защитная функция).

Стереотип действует как коэффициент конвертирования суммы капиталов (в первую очередь именно символического и культурного) объекта или группы с целью определения/уточнения его позиции в социальной структуре и формирования аттитюда, адекватного размерам/соотношению капиталов и контексту ситуации.

Следует отметить, что сама по себе классификация другого по какому-либо признаку хотя и имплицитно содержит потенцию к унификации всей группы таких же других, но для стереотипизации обычно необходим мотив к конструированию оппозиции свой/чужой [Taylor 1982, p. 431]. Самоутверждение/высокая самооценка снижает стимул к использованию стереотипов этих в целях [Shrira 2005, p. 849].

1.3 Стереотип как разоблаченная истина?

За пределами научного дискурса стереотип обычно используется как синоним устаревших (или изначально ложных) и предвзятых представлений; причиной этого является сосредоточенность научных исследований на таких коллективных представлениях, исправление которых заметно гармонизирует социальное взаимодействие.

Но, вопреки распространенному мнению, стереотипы не обязательно неточны; многие из них содержат *«ядро истины»* (ситуация, когда объем истинных данных превышает объем ложных), благодаря чему оказываются весьма устойчивыми даже в условиях регулярного взаимодействия. На практике стереотипы в большинстве случаев носят нейтральный характер, кроме того, стереотип может быть и положительным. В целом можно сказать, что, чем более простым и удобным в использовании является представление об объекте, тем ниже вероятность его адекватности [Oskamp 2005, p. 26-27].

Но определение границ стереотипа в категориях истинное/ложное неявным образом легитимирует точность прочих социальных представлений [McGarty 2002, p. 5], повышая тем самым вероятность возникновения новых стереотипов. Еще Липпман оговаривал, что использование стереотипов вполне допустимо, если мы

помним о степени их условности и не полагаемся на них целиком [Липпман 2004, с. 38,105].

1.4 Неявные стереотипы: обратная сторона сознания

Пропаганда толерантности и усилия по разоблачению наиболее агрессивных стереотипов не привели к полному исчезновению предрассудков – современные формы предубеждения обычно существуют в неявном или неосознанном виде, в так называемых тонких формах дискриминации (например, “*subtle ageism*”, «тонкий эйджизм»).

Имплицитные стереотипы представляют собой неотрефлексированные следы прошлого опыта, ассоциации относительно определенных объектов, которые не осознаются даже самим носителем и активизируются автоматически. В этих случаях осознанные и неосознанные реакции на объект стереотипизирования могут оказаться даже противоположными. Предполагается, что в некоторых ситуациях одного знания о существовании стереотипов достаточно для активизации предубеждения.

Пусковым механизмом для имплицитных стереотипов считается прайминг – явление имплицитной памяти [Герасков 1988], оказывающее неосознанное влияние на решение задачи, ассоциативная подсказка. Эксперименты показывают, что эффект прайминга обнаруживается в реакциях не только на непосредственный объект, но и на его отдельные характеристики и даже описания, хотя в таких случаях эффект обычно менее влиятелен и активизирует стереотипы лишь у субъектов с более сильными предубеждениями [Kawakami 2002]. Имплицитные стереотипы являются более устойчивыми к изменениям, чем явные формы предубеждения [Aberson 2007, p. 196].

В целом эксплицитные аттитюды лучше предсказывают поведение в ситуациях с ясными предписаниями социально желательного поведения, в то время как имплицитные аттитюды влияют на спонтанное поведение [Kawakami 2001, p. 212, 213, 221]. На практике это может означать, что дискриминирующие интерпретации будут использованы в тех ситуациях, когда положительная оценка объекта может быть поставлена под сомнение, а не в тех, где таких сомнений не возникает.

1.5 Генеалогия стереотипов

Как правило, в подавляющем большинстве случаев стереотипы не являются продуктом индивидуального осмысления, а усваиваются в процессе социальных контактов, посредством языка или образов. Традиционно выделяются следующие потенциальные источники стереотипизации:

а) *Усвоение стереотипов* еще в детстве/юности *в процессе социализации*, прямого обучения, под влиянием (авторитета) родителей, учителей, значимых Других [Oskamp 2005, р. 27]; в дальнейшем в процессе социального взаимодействия производится регулярная синхронизация стереотипа. Показательно, что в ходе общения, в котором заинтересованы обе стороны, отмечена тенденция передавать больше соответствующей, чем противоречащей стереотипу информации; по всей видимости, это связано со стремлением к когерентности, то есть, связанности, сообщения [Lyons 2006, р. 67-68] (некоторые стереотипы могут сохраняться в течение столетий, даже при исчезновении исходных причин предубеждения [Филюшкина 2005, с. 144]).

Другой феномен, раскрывающий специфику социальной природы стереотипов – *спираль молчания* – подразумевает, что в публичной сфере проговаривается только та информация, которая соответствует общепринятым позициям, а противоречащая намеренно выводится из дискурса. Если позиция индивида не совпадает с общепринятой, в некоторых случаях он склонен/вынужден умалчивать о ней под страхом стигматизации/общественного давления [Ноэль-Нойман 1996].

б) Стереотипы, основанные *на личном опыте*, более осмысленны, увереннее поддерживаются, более устойчивы к внешним влияниям, долговечны, и сильнее влияют на поведение, чем стереотипы, усвоенные социально. Если взаимодействие регулярно, оценивающий аспект стереотипа будет более четким [Olson 2003, р. 306-310, 313, 316]. Стереотипы, слабо подкрепленные воспоминаниями об объекте, видимо, используются в оценках в меньшей степени [Dijksterhuis 1999, с. 771]. Считается, что этот процесс усвоения стереотипов автоматичен в меньшей степени, чем другие, поскольку по природе своей рефлексивен. В качестве причин возникновения стереотипов следует указать и на личностные характеристики

субъекта, такие, как авторитаризм и ориентация на социальное доминирование [Адорно 2001].

в) **Эпизодичность контакта**, который может быть как непосредственным, так и наблюдаемым через СМИ; усиливающаяся эпизодичность/фрагментированность внимания человека в современной цивилизации – естественный способ избежать информационных перегрузок. Этот процесс характеризуется закреплением ассоциативных связей между стереотипизируемым объектом и его специфическими качествами, на которых сосредоточено внимание, чему способствует эвристический подход, подразумевающий, что решение будет принято исходя из наиболее запомнившихся данных. На практике это означает, что эмоциональные случаи окажут больше влияния, чем статистически достоверные данные, а единственный вспомненный пример может быть истолкован как типичный. Эту познавательную проблему иногда называют «ловушкой нескрипучего колеса» (“*unsqueaky wheel trap*”, I.L. Janis), так как нескрипучее колесо не привлекает внимания [Rothman 1997]. Следует отметить, что как раз пожилые люди попадают в новостные ленты и репортажи СМИ не «сами по себе», а почти исключительно в связи с событиями негативного характера («обворовали пенсионера», «сгорел дом престарелых» и т.п.), и гораздо реже – в позитивном контексте. Пожилые люди словно бы не производят событий, кроме рутинных, но часто оказываются жертвами обстоятельств.

г) **Иллюзорная корреляция**, предполагающая, что существует взаимосвязь между событиями, которые в действительности являются некоррелированными или коррелированными в меньшей степени, чем кажется. Нередко она бывает неосознанным результатом интенциональности сознания, избирательно запоминающего соответствующие ожиданиям события и игнорирующего неподходящие; одной из причин эффекта считается стремление установить различия между группами [Haslam 1996, p. 617].

Здесь следует обратить внимание на то, что негативные стереотипы о пожилых людях, как правило, довольно «мягкие», неагрессивные (мы отдельно вернемся к этому сюжету, когда будем говорить об институционализированном насилии) – как представляется, это связано с тем фактом, что пожилой человек является в некотором смысле «идеальным Другим», его или конкуренции с его стороны не боятся, а потому защитная функция стереотипов не задействуется.

На практике предзаданная отрицательная оценка определенной социальной группы увеличивает вероятность негативных иллюзорных корреляций при описании действий ее членов [Smith 2007]. Этот эффект во многих случаях является настолько устойчивым, что даже в наиболее успешных экспериментах речь идет только о его уменьшении при определенных благоприятных условиях, но не о полном преодолении [Sherman 1989]. Таким образом, иллюзорная корреляция выполняет функции не только формирования, но и поддержания/укрепления уже имеющихся стереотипов.

д) *Самореализующееся пророчество*. Социальные ожидания – экспектации – считаются одним из важнейших инструментов в познавательном репертуаре субъекта [Biesanz 2001, p. 621]. Их предсказательная функция позволяет значительно сэкономить усилия по расшифровыванию повседневности, задавая нам предполагаемые статусы/роли Других без продолжительного сбора относящейся к ним информации. Но подобный механизм упрощения может иметь по крайней мере два негативных последствия.

Влияние уже имеющихся стереотипных представлений на осмысление ситуации может привести к *интерпретационной несправедливости* (“hermeneutical injustice”) – латентности некоторых существенных фрагментов социального опыта, не фиксируемого/соучаствующего в понимании вследствие своей интерпретационной изолированности [Fricker 2006, p. 99-100]. Речь здесь, как правило, идет не просто о постановке в невыгодное положение, но и о деформации идентичности, ее конструировании под социальным давлением вопреки интересам объекта, подрывая способности его социального самопознания [Там же, p. 107-108].

В этом случае во многих ситуациях люди принуждаются не только к соответствию имеющимся стереотипам, но и к избеганию несовместимого с ними поведения [Heilman 2001]; таким образом, стереотипы функционируют не только как описательный, но и как предписывающий механизм. Радикальным случаем такой ситуации является *самореализующееся пророчество* (“self-fulfilling prophecy”) подразумевающее, что ожидания людей о другом человеке заставляют его вести себя в соответствии с этими ожиданиями ³, в результате чего изначально ложные определения ситуации начинают осуществляться, становясь реальными по своим

³ Обычно выделяют негативные (эффект Голема) и позитивные (эффект Пигмалиона) варианты.

последствиям [Мертон 2006]. Чем больше мы доверяем экспектациям, не фокусируясь на объекте, тем выше риск перехода предсказания в предписание, создание самореализующегося пророчества [Biesanz 2001, p. 622,627].

1.6 Атрибуции: объясняя действия Другого

Одно из ключевых свойств перцепции, интересующее нас в данном контексте – это его избирательность, связанная с необходимостью иерархического структурирования данных. Часто анализ ситуации проводится наблюдателем в условиях неполноты знания вследствие дефицита ресурсов – недостаточности доступной информации, времени или заинтересованности в событии. В таких случаях используются упрощенные объяснительные модели, позволяющие делать выводы в ситуации ограниченного знания/ресурсов – атрибуции, под которыми понимается приписывание некоторых характеристик социальному субъекту или группе. В случае наличия достаточных знаний об актере и его предыдущем поведении атрибуции могут незначительно искажать/упрощать ситуацию, или не искажать вовсе [Oskamp 2005, p. 34-35, 39-40]. Различают интернальную, или диспозитивную (где причиной действия полагаются внутренние факторы – личностные характеристики) и экстернальную (внешние факторы – влияние ситуации) атрибуции, на практике наиболее типичны их комбинированные варианты. Атрибуции считаются одним из важнейших факторов стереотипирования [Hagway-Herman 1974, p. 292], более того – в наиболее радикальных случаях приписывания могут превращаться в предписания.

Социальная приемлемость/желательность действий актера обычно уменьшает степень их диспозитивной атрибуции, и наоборот – считается, что наблюдатели с большей вероятностью истолкуют поведение как намеренное, если оно привело к отрицательным последствиям, чем если бы такое же поведение вызвало положительный эффект [Malle 2004, p. 177]. В целом такая закономерность представляется логичной, поскольку исполнение социально приемлемого поведения может вообще не отражать характеристик/интересов актера. С другой стороны, именно негативные или неожиданные события имеют тенденцию вызывать необходимость объяснения, так как обычно противоречат общим ожиданиям людей [Там же, p. 73], в некоторых ситуациях имплицитно ставя под сомнение рациональность/эффективность обуславливающих эти ожидания социальных

норм/представлений, и наиболее безболезненный выход из этой ситуации – переадресация актеру ответственности за нарушения.

Наиболее известна *фундаментальная ошибка атрибуции* – тенденция объяснять причины поведения другого диспозиционными факторами, недооценивая влияние ситуации. Считается, что в индивидуалистских культурах склонность к ней выше, чем в коллективистских. Следует отметить, что эксперименты некоторых исследователей не содержат достаточных подтверждающих свидетельств этого вида классической асимметрии наблюдателя/актера [Там же, р. 178, 188-190]. Фундаментальной ошибке атрибуции родственна *недооценка аспектов поведения, связанных с ролевой позицией*, когда контролирующая ход событий сторона имеет больше возможностей для реализации своих достоинств и ретуширования недостатков, следствием чего становится завышенная оценка ее способностей [Oskamp 2005, р. 24].

Одним из наиболее значимых условий для возникновения атрибуции считается *релевантность действий актера* – степень, в которой они выгодны самому действующему. Высокий уровень релевантности стимулирует наблюдателя делать приписывания с большей уверенностью. Другими факторами, способствующими атрибуции, являются *принцип дисконтирования* (подразумевающий, что важность некоторой причины действия может быть не учтена в ситуации, где есть другие причины, влияние которых предполагается как более существенное [Там же, с. 33]) и *принцип усиления* (говорящий, что если явление происходит, несмотря на присутствие препятствующих условий, наблюдатель склонен приписывать большую значимость вызвавшим его причинам, чем если бы явление наблюдалось в их отсутствии [Там же, с. 36]). Специфической особенностью сознания является игнорирование информационной ценности неслучившегося [Там же, с. 24-25], обычно не рассматриваемого в анализе ситуации.

Непосредственные участники действия (актеры) и его наблюдатели склонны по-разному описывать произошедшее, что порождает ряд специфических искажений. Актеры имеют тенденцию представлять социально нежелательное поведение как неумышленное или задумывавшееся с благими намерениями [Malle 2004, с. 176], но в объективно ясной ситуации все же менее расположены прибегать к подобным уловкам; и наоборот, отмечена склонность приписывать свое позитивное поведение скорее личному выбору, чем влиянию ситуации [Oskamp

2005, р. 40]. Вообще ценности часто используются как оправдание уже совершенных действий, а не как их причина [Olson 2003, р. 308]. При этом людям более свойственно подчеркивание своих заслуг в случае успеха, чем оправдательные объяснения неудач [Oskamp 2005, р. 41]. Важным методологическим ограничением самоописаний считается именно тенденция отвечать в социально желательной манере [Olson 2003, р. 304].

Описывая произошедшее, актеры чаще дают объяснения труднофиксируемым/неумышленным действиям, тогда как наблюдатели главным образом сосредоточены на событиях очевидно умышленных и заметных [Malle 2004, р. 76-78], и в целом предрасположены излишне рационализировать поведение актера [Там же, р. 177-185].

1.7 Особенности стереотипов

Стереотипы обладают рядом специфических особенностей, которые неявным образом усиливают их контроль за ситуацией:

— *Ригидность*, то есть неготовность к изменению схемы действий с учетом изменившейся ситуации, способности успешно сопротивляться любой информации, предполагающей коррекцию стереотипа. Люди предпочитают упорядочивать разбалансированные ситуации с помощью селективного отбора, когда информация, несовместимая с их представлениями, не попадает в фокус внимания или просто игнорируется. Постоянно/длительно используемые обобщающие категории оказываются настолько влиятельными [Bodenhausen 1998, р. 11], что наиболее частым изменением при встрече с нетипичным объектом считается формирование подтипа, без изменения общей схемы представлений. По всей видимости, лучше запоминается та информация о людях, которая подтверждает имеющиеся о них стереотипы [Oskamp 2005, р. 30].

Ригидности способствует *эффект заякоривания* (“anchoring effect”) – склонность человека менять усвоенную/принятую оценку объекта/явления лишь в незначительном диапазоне, поддерживая постоянство начальных впечатлений; именно оценочность считается главным цементирующим элементом стереотипа [Рождественская, с. 70-71]. Заякоривание наблюдается даже в тех случаях, когда начальная информация была полностью дискредитирована, и новая неоднозначная информация интерпретируется как подтверждение уже имеющейся оценке.

Характерно, что и диапазон гипотетических оценок действий других людей обычно тесно связан с собственными стандартами понимания ситуации – предполагается, что другие будут действовать примерно так же, как я [Oskamp 2005, p. 22-23].

— *Аффективность*. Человек нередко действует иррационально, следуя скорее за своими эмоциональными реакциями, чем упорядочивая реальность во взвешенных рассуждениях. Так, аффективные реакции более сильны и лучше предсказывают отношение, если оцениваемый объект выполняет гедонистические функции, чем когда функции утилитарны [Kempf 1999, p. 35-50]. В целом для оценивания характерна определенная эмоциональная инерция: аттитюды имеют тенденцию к усилению имеющейся оценки даже в отсутствие новой информации. Этот эффект поляризации усиливается при высокой осведомленности об объекте и оценочной последовательности аттитюда, поскольку люди склонны ожидать хорошего от положительно оцененных объектов и наоборот [Olson 2005, p. 315, 318]; интенсивность эмоционального фона – одна из наиболее типичных черт стереотипа [Шихирев 1971, с. 172]. Считается, что в ситуациях конфликта между аффективными и когнитивными аспектами стереотипа первые оказывают большее влияние на представления о других; кроме того, аффект лучше корреспондирует с ценностями [Olson 2005, с. 302-303].

— *Дорефлексивность*. Люди склонны использовать (привычную) *интерпретацию* как *факт*, «округляя» ее до состояния истины, что позволяет через жертву критичности получить более простые и практичные конструкции для описания/действия, чему способствуют мифологизированность обыденного сознания и его нечувствительность к противоречиям. Как правило, к основаниям этой конструкции в дальнейших повседневных рассуждениях уже не возвращаются, и сам стереотип в этом контексте можно определить как неотрефлексированную предысторию того момента, с которого начинается восприятие (объекта). Классификация предшествует анализу, включая соответствующий регистр перцепции: «мы не столько видим данного человека или данный закат – писал Липпман, – сколько замечаем, что данный предмет – это человек, а данное явление – это закат, а затем переключаем внимание в основном на то, что ассоциируется в нашем сознании с этими предметами» (Липпман 2004, с. 103). И ещё один более интуитивно понятный пример: «Торговец овощами имеет весьма развёрнутое мнение относительно зарубежной политики, в то же время у него масса сомнений

относительно ведения дел в своей лавке» – не без иронии иллюстрирует Липпман особенность воплощенного в стереотипах механизма упрощения [Там же, с. 103,331].

1.8 Выводы

Стереотипы о пожилых людях (эйджизм, дискриминация по возрасту) существенно отличаются от других представителей триады «-измов» (сексизм, расизм): как правило, они «мягкие», неагрессивные (из-за чего такие предубеждения следует рассматривать скорее в терминах недополученной прибыли к социокультурному капиталу, чем как дискриминационные практики в их классическом понимании), предполагают не столько инаковость, сколько постепенную потерю неких качеств. Это хорошо согласуется с тем, что стереотипы о пожилых, как правило, не выполняют защитной функции «дискредитации конкурента», а скорее стремятся перевести восприятие пожилых в фоновый режим, описать их как отработанный ресурс, нуждающийся в поддержке и уважении, но не являющийся субъектом социально значимых действий.

Попытка через рассуждения о стереотипах выйти на проблемы изучения статуса и изучению повседневных практик взаимодействия с пожилыми людьми обязывает нас соотнести дальнейшие исследовательские усилия с одной из фундаментальных проблем социальной психологии – глубокую проблематичность взаимосвязи аффективных/когнитивных представлений об объекте и действий по отношению к нему, так называемый парадокс Лапьера, несовпадение установки и реального поведения в ситуации.

Можно ли считать рассматриваемую проблему частным случаем парадокса Лапьера? Мы полагаем, только в очень широком смысле слова – как мы убедимся далее уже с практической стороны, скорее речь идет о том, что норма демонстрации уважения к пожилым людям вынуждена сосуществовать с большим количеством других, более приоритетных и практичных норм, уже перестала быть элементом обязательного этикета и воспроизводится скорее ситуативно, чем целенаправленно.

Глава 2 Отношение к пожилым людям в повседневной жизни

Пожилые люди – как правило, ограниченная в возможностях (в самом широком смысле этого слова) часть населения, а потому дискриминационные практики в их отношении оказываются особенно разрушительными. Проблема отношения к старости, таким образом, относится к числу базовых вопросов геронтологической проблематики в социальных науках. Даже если в конкретных исследованиях речь не идет о стереотипах или вопросах межпоколенческого взаимодействия, именно они во многом задают контекст и тональность повествования, так как зависимость от общества есть фундаментальная характеристика старости.

Российское общественное мнение обычно оценивает существующую межпоколенческую ситуацию как неудовлетворительную, особенно в сравнении с более успешными в этом смысле обществами – здесь типовыми стали апелляции либо к моделям успешного старения на Западе, где пожилые оказываются своего рода живой рекламой государства всеобщего благосостояния [Phillipson 1998, p. 16], либо к восточной традиции почитания старших, хорошо знакомой нам по народам Кавказа и Средней Азии. Однако социологические исследования часто не фиксируют распространенность негативного отношения к представителям третьего возраста. Неоднозначность общей картины обнаруживается уже в первом приближении к проблеме. Например, исследование З.М. Саралиевой и С.С. Балабанова показало, что только 12% пожилых респондентов считают, что большинство представителей других поколений относится к старикам неприязненно, и лишь 1% охарактеризовал отношения с детьми как плохие [Саралиева 1999, с. 57, 62]. По данным А.В. Писарева, взгляды на пожилых как на экономический и социальный балласт характерны лишь для 6% опрошенных; при этом достаточно высоко оценивается человеческий потенциал представителей третьего возраста [Писарев 2004, с. 51,56]. Согласно результатам наших исследований, негативные стереотипы о старости характерны лишь для 3-13% опрошенных, причем многими из них согласен близкий процент самих представителей третьего возраста. Выявленные негативные аттитюды к старости имели латентный характер, и проявлялись скорее в отнесении пожилого человека к категории «отработанного

ресурса», в практиках социального игнорирования – иными словами, стереотипы о возрасте оказываются гораздо менее агрессивными, чем, например, расовые стереотипы. При этом положительные качества представителей геронтологической группы назывались респондентами гораздо чаще отрицательных; большинство опрошенных высоко оценили жизненный опыт, практическую мудрость и толерантность пожилых людей [Смолькин 2005].

Вместе с тем обнаружилось, что практически все опрошенные старше 60 посчитали, что их общественное положение стало значительно ниже, чем было в 40 лет [Саралиева 1999, с. 55]; представителями старших возрастных групп модель взаимоотношений в России гораздо чаще оценивается как конфликтная (в сравнении с ответами других когорт) [Голенкова 1999, с. 30], зафиксированный в 1990-е рост смертности среди пожилых носил явно криминальный характер [Демченко 2002, с. 110] и т.п. – иными словами, налицо широкий спектр признаков дискриминации.

Это «свидетельствует о большей сложности феномена межпоколенческих отношений, чем представляется в общественном, а иногда и научном дискурсе. Как объяснить следующее противоречие – с одной стороны, всеобщее убеждение, усиливаемое СМИ, что к пожилым людям относятся плохо, а, с другой – незначительное количество и низкую распространенность негативных стереотипов о старости и многочисленные частные утверждения об уважительном отношении к ней? Уважительное отношение к представителям третьего возраста оказывается нереализованным намерением; декларируемая модель «хорошего отношения» не переходит в «уважительные действия» [первое приближение к проблеме см. в Смолькин 2007] .

2.1 Методы

Сбор и анализ материала данного раздела проводился по методике «двойной рефлексивности» с помощью неструктурированного неформализованного интервью. Концепция двойной рефлексивности связывает теоретические категории качественного исследования со стратегиями полевого исследования интерактивного типа, которому присущи вживание и глубинные интервью [Шанин 1998].

Общее количество проведенных интервью – 64. Выбор круга информантов был обусловлен легкой достижимостью и относительно безболезненным вхождением в поле, снизившими вероятность напряженности/неискренности

интервьюируемых, что в рамках данной работы окажется особенно значимым. Интервью проводились в спокойной обстановке, без участия третьих лиц. Все используемые интервью можно считать удавшимися, каждый информант в той или иной степени уточнял/расширял горизонт понимания проблемы.

Искажения в самоописаниях в ходе неформализованного интервью: сенситивные ситуации и стратегии самообъяснения информантов

Для удовлетворительного анализа взаимодействий с пожилыми людьми в общественных местах и прояснения влияния стереотипов на эти взаимодействия следует подробно остановиться на одном из эффектов, оказавшихся характерным для интервью по интересующим нас сюжетам. Этот эффект – оправдательные самоописания – свидетельствует, с одной стороны, о том, что нарушения правил взаимодействия с пожилыми людьми в общественных местах осознаются информантами как неоправданные, и именно оправдательные конструкции призваны замаскировать или устранить этот эффект. С другой стороны, вопросы о таких нарушениях *не оказываются сенситивными*, информанты начинают говорить об этих сюжетах с едва улавливаемым смущением, испытывая проблемы лишь в некоторых поворотах повествования. В результате мы можем наблюдать «изнанку сенситивности», зафиксировать тонкие настройки и оправдательные стратегии информантов, характерные для чувствительных сюжетов. Как мы полагаем, это дает возможность, помимо нашего основного сюжета, выйти на интересные методологические наблюдения – сформулировать рекомендации по исследованию полусенситивных тем.

2.2 Интервью как взгляд через самоописания информантов

Пафос качественных методов в социальных науках заключен в особой фокусировке исследовательского взгляда, позволяющей изучать то, что другими методами просто не может быть изучено – неконвенциональность/нетипичность индивидуального опыта, что в действительности допускает максимально широкий круг изучаемого – от проблем неясной природы (идеальное качественное исследование начинается с парадокса в программном вопросе – что, собственно, и затрудняет его изучения менее лабильными методиками; превращение неизвестного в определенное дает возможность поймать его в фокус более формализованных

методов) до этнографического прочтения самых банальных ситуаций, ориентированного на поиск новых перспектив или новых смыслов в, казалось бы, уже известных феноменах (то есть, наоборот, превращение самоочевидного в проблемное [Журавлев 1996]). Неформализованному интервью при этом вполне обоснованно адресуется целый набор традиционных уже упреков в субъективизме или иных формах ненаучности: нечеткая верифицируемость (постулируемая, например, «неповторимостью ситуации интервью», когда у разных исследователей могут получаться различные результаты), нерепрезентативность данных и т.п.

Главным аргументом использования одного из наиболее распространенных качественных методов – глубинного неформализованного интервью – является возможность изучения проблемы через опыт/объяснения самого объекта, минимизируя таким образом разрывы между исследуемой социальной реальностью, как она представляется ее непосредственным участникам (или как они хотят ее представлять; или как они хотят, чтобы исследователь думал, что они ее представляют и т.п.), и ее описанием – получаемыми на выходе научными текстами «со вкусом живых людей». В рамках этого метода особую роль играет личность самого исследователя, особенности которой влияют на смещения в ответах – люди далеко не всегда желают быть «раскушенными».

2.3 Эффект интервьюера

Центральной проблемой, имманентно присущей методу, считается эффект интервьюера, под которым принято понимать [неизбежные] искажения в ответах информанта, обусловленные самим фактом коммуникации с конкретным исследователем. Вовлеченность в коммуникацию задает особую поведенческую рамку, ориентированную на «производство впечатлений», «самопрезентацию» и т.д. Попытки устранить подобные искажения будут разрушать и саму коммуникацию [Журавлев 1996, с. 91], целостность и естественность которой во многом и оправдывает данный метод – следовательно, сам эффект интервьюера принципиально непреодолим, и мы должны оставить надежды избежать его полностью, сосредоточившись на поисках способов его нейтрализации и на создании его максимально детализированного описания, что позволит делать (или хотя бы предполагать) соответствующие корректировки результатов.

Как показывают исследования, собственно «преувеличения» и «преуменьшения» в самоописаниях – явления весьма распространенные. Неискренность информантов – результат редактирования ими своих ответов с учетом идеального образа «Я», жизненных целей, мотивов и интересов в контексте данного разговора. Даже виртуальное присутствие интервьюера (эксперименты с записанным/синтезированным голосом) заметно ухудшает качество данных. Анкетирование позволяет повысить удельный вес искренних ответов в сравнении с интервью, избавляя информантов от необходимости сообщать о себе вслух неприятные вещи [Мягков 2008].

В присутствии исследователя может быть применена рандомизированная техника вопросов (когда интервьюер не знает, на какой именно вопрос отвечает информант [Трасу 1981], кодирование ответов на сенситивные вопросы через информацию, неизвестную непосредственно интервьюеру (например, дата рождения информанта) [Тиап 2007], варианты с запечатанным бланком ответов [Makkai 1992, с. 183; Kalton 1982, с. 45] и т.п., что также существенно сокращает уклонение от ответов. Сами информанты сообщали о большей приемлемости таких способов взаимодействия с интервьюером⁴[Tamhane 1981, с. 923].

Причины неискренности информантов следует рассмотреть подробнее. Во-первых, это стремление избежать смущения из-за возможных оценок и мнений интервьюера о информанте, особенно когда речь идет о незнакомых людях. Во-вторых, желание не обидеть собеседника: вольные или невольные действия интервьюера (подсказки, комментарии, интонация вопросов, реакция на ответы и т.п.) и его статусные/социально-демографические характеристики формируют у информантов определенные ожидания относительно собеседника, провоцируют стремление к угадыванию наиболее приемлемых в данном контексте ответов [Мягков 2006, с. 86] они чаще скрывают или ретушируют правду, если чувствуют, что тема интервью небезразлична их партнеру по беседе. Наконец, стремление к консистентности в ответах может побуждать информанта к согласованию отдельных эпизодов и устранению противоречий, например, выстраивая свои более поздние высказывания в фарватере предыдущих, чтобы тем самым выглядеть

⁴ Многие из этих методов, впрочем, имеют и свои недостатки, от вполне естественных технических до порой довольно неожиданных: например, использование компьютеров для увеличения анонимности опрашиваемых в ходе исследования в Кении лишь усилило беспокойство, подозрительность и даже враждебность местного населения [Mensch 2003, с. 266].

последовательным в глазах интервьюера. В сумме это аккумулируется в увеличении социально желательных ответов, усилении диссимулятивности и росте числа неответов [Мягков 2008, с. 25-27].

Наиболее известными объяснительными моделями эффекта интервьюера являются социальная атрибуция и социальная дистанция. Первая модель предполагает, что на ответы информанта влияют определенные ценности и нормы, ожидания и установки сигнализирующие о характере ожиданий интервьюеров относительно приемлемого/допустимого вербального поведения. Пытаясь подстроиться под эти нормы и ожидания, опрашиваемые редактируют свои ответы таким образом, чтобы избежать дискомфорта и тем самым защитить себя, управляя впечатлением, производимым на интервьюера; эта модель получила «весьма солидное эмпирическое обоснование» [Мягков 2006, с. 87].

Во втором случае предполагается, что на искажения в ответах влияют не только демографические и поведенческие характеристики интервьюера (например, было выявлено, что в телефонных опросах интервьюерам старших возрастных групп, независимо от их опыта работы, удавалось легче установить контакт; лучших результатов добивались также более оптимистичные исследователи [Singer 1983, с. 80-81], и т.д.), но и воспринимаемая социальная дистанция между ним и информантом: слишком большая или слишком маленькая социальная дистанция актуализирует потребность в управлении имиджем⁵. Модель социальной дистанции обладает в целом невысокой предсказательной способностью, хотя многие обнаруженные тенденции весьма отчетливы и консистентны. Эксперимент А.Ю. Мягкова показал, что данная модель плохо объясняет смещения в ответах, и является только одним из многих факторов, вызывающих эффекты интервьюера. Согласно его результатам, социальная дистанция лишь опосредует влияние опрашивающих, усиливая или ослабляя смещения в получаемых ответах, однако роль переменной резко возрастает при ее комбинировании с индексом социальной желательности. Оба этих фактора вместе практически полностью объясняют появление смещающих эффектов в результатах интервью.

Две описанные модели дополняет гипотеза «конкурирующих соображений», предполагающая, что информанты не искажают своих истинных мнений с целью

⁵ По всей видимости, здесь наиболее удачным был бы понимающий «не-конкурент за символические достижения в рамках статуса», но такой не-конкурент, который все же мог бы дать адекватную оценку – с точки зрения респондента – его достижениям и действиям.

«управлять впечатлением», а имеют амбивалентную позицию по обсуждаемым вопросам. Социальные характеристики интервьюеров подсказывают отвечающим, какое из одновременно сосуществующих в их сознании мнений следует озвучить в качестве ответа [Мягков 2006, с. 92-94].

2.4 Сенситивные вопросы

Однако главным психологическим механизмом возникновения эффектов интервьюера является социальная желательность ответов. Отвечая на так называемые сенситивные вопросы (то есть деликатные (обычно аттитудные) вопросы, в первую очередь личные), информанты могут избирать стратегию «управления впечатлением», преуменьшая или вовсе отрицая то, что может повредить имиджу, и, наоборот, преувеличивая или приписывая себе положительные качества. Осознавая угрозу своему «Я» и стремясь избежать неодобрения со стороны интервьюера, они демонстрируют декларативную солидарность с социальными нормами [Там же, с. 87, 88, 90-92, 94, 96.]. В большинстве ситуаций смещения в ответах минимальны (например, исследование политических предпочтений анонимными методами и в ходе формализованного интервью (Украина, 2003) показало, что максимальные отклонения составляют всего 0,9% [171, с. 131]; специальное исследование реакций на сенситивные вопросы (Иллинойс, 1994-1995) показало, что различия в ответах даже на наиболее деликатные из них в целом колебалось незначительно [Tourangeau 1996, с. 300]), однако предугадать их полностью не представляется возможным. В целом разница между различными способами сбора информации в ответах на сенситивные вопросы многими исследователями описывается как незначительная [Там же, с. 299] часто на грани статистической погрешности [Couper 2003, с. 393-394; Marquis 1986, с. 386], и в некоторых случаях не обнаруживаемая вовсе⁶ [Thomas 2009, с. 49]. По всей видимости, либо информанты готовы рассказать о некотором опыте, и это зависит от обстоятельств в незначительной степени – либо они не планируют говорить о нем вовсе.

Однако дело не только в ремонте/перенастройке исследовательского инструмента – сама сенситивность может быть информативной. Например, в ходе

⁶ Разумеется, нередки и противоположные данные [Zipp 2002]; считается, что объемы отклонений и лжи могут быть недооценены из-за концептуальных и методологических слабостей исследований [Мягков 2012; Мищенко 2004].).

исследования подростков в Кении были обнаружены существенные различия в рассказах о нормативном поведении в зависимости от метода опроса (формализованное интервью, самозаполнение анкеты, ACASI) [Mensch 2003, с. 265]. Таким образом, уровень жесткости социального принуждения может быть измерен через разницу ответов, полученных различными способами.

При всей кажущейся близости сенситивных ситуаций в ходе опроса (в первую очередь с помощью формализованного интервью)⁷ и в процессе неформализованного интервью они все же принципиально различаются. Жесткая внеконтекстуальная логика первой группы подходов способна порождать сенситивные ситуации даже там, где их можно было бы с легкостью избежать, и наоборот – для неформализованного интервью прямые сенситивные вопросы нетипичны, так как могут разрушить коммуникацию, и речь здесь обычно идет о ситуациях пограничного характера.

В описанном ниже исследовании предполагалось выяснить, как студенты проявляют (или не проявляют) на практике уважение к пожилым людям – в частности, уступают ли им место в общественном транспорте, помогают ли донести вещи, перейти дорогу и т.д.

2.5 Пограничные ситуации сенситивности

Социально желательные ответы на сенситивные вопросы в силу естественного стремления человека казаться лучше характерны для любых типов исследований, но наибольшее распространение они имеют именно в интервью, в ситуации взаимодействия лицом-к-лицу с исследователем. Вместе с тем о реальных объемах лжи в ответах на этот тип вопросов можно только догадываться, и интервьюер имеет хотя бы то преимущество, что по определенным ситуативным признакам (нежелание отвечать или задержка ответа, смущение, сомнения, оправдания и т.п.) может предполагать неискренность информанта, фиксируя это как самостоятельный результат и – главное – имея возможность скорректировать ход беседы таким образом, чтобы по возможности эту неискренность преодолеть.

Значение вопросов об уважении к пожилым людям в контексте данной работы заключается в том, что они не настолько сенситивны, чтобы на них не отвечали вообще, но и одновременно достаточно деликатны, чтобы в своих ответах

⁷ Наиболее полное и качественное описание этих ситуаций см. в [Мягков 2012].

быть искренними не до конца – по крайней мере, в ряде эпизодов. Здесь практически нет проблемы конфиденциальности, поскольку акты «непроявления уважения» публичны, и могут не осмысливаться самим информантом как этически проблемные благодаря соблюдению «правил нарушения правил». Логика правил нарушения правил такова, что осуждаемыми в определенных ситуациях являются не столько последствия, сколько намерения, точнее, отсутствие желания этих последствий избежать (то есть события представляются как произошедшие «по неосторожности», «в результате несчастного случая», а не вследствие «злого умысла») – следовательно, предельно честные самоописания таких ситуаций угрожают разрушением зыбких границ невинности.

По всей видимости, существует достаточно обширный класс вопросов, коммуникативные перспективы которых контекстуальны, и которые справедливо считать условно-/частично-сенситивными. Здесь информанты, ступившие на скользкую дорожку искренности, вынуждены корректировать рассказ таким образом, что нам становятся видны различные техники избегания, уклонения, самооправдания и т.д.

Вопрос о взаимодействии с пожилыми людьми начинает трансформироваться из обычного аттитюдного в сенситивный, когда нормы, предписывающие уважение к пожилым, перестают практиковаться как обязательные. Если (или когда) этот вопрос перестанет быть сенситивным, это будет, скорее всего, означать, что норма практического уважения к пожилым уже разрушена. В этом смысле информационная ценность сенситивности не должна недооцениваться – сегодня мы, по сути, видим, как эта норма эрозирует у нас на глазах.

Оправдательные самоописания: неясные идеалы и гиперболизированность ситуаций

Одна из ключевых проблем этой темы, помещающая вопрос об отношении к пожилым людям в пограничную область между рядовыми вопросами о взаимодействии с другими в повседневной жизни и собственно сенситивной тематикой – это проблема размытости концепта «уважительное отношение к пожилым», поскольку нормативно не определено, каким образом и в каком объеме следует это уважение проявлять. Средствами массовой информации в общественный дискурс регулярно вбрасываются трагичные истории с участием пожилых, что драматизирует общую картину, но не дает понимания, как

именно следует действовать, в результате прямой вопрос неожиданно порождает чувство вины.

И.: Но сами вы относитесь хорошо?

Р.: Ну, я думаю, достаточно хорошо.

И.: А что вас заставляет сомневаться?

Р.: Ну мало ли там... я же не бегаю как Тимур и его команда по улицам, чтобы старушек там переводить

(С., 20 лет, м.)

Пример следующего информанта демонстрирует, как можно, определяя свои действия по реализации уважения как недостаточные в целом (то есть на фоне сложившегося дискурса о трагичном положении пожилых людей), при этом считать их удовлетворительными в конкретно-практической ситуации, и не планировать что-то менять/улучшать.

Р.: Ну, мне кажется, с недостаточным отношением. Следовало бы лучше относиться. <...>

И.: Вы считаете, что Ваше отношение достаточно хорошее, или рассчитываете его улучшить?

Р.: Наверное, первый вариант ближе. ... У молодежи тоже ведь много проблем. Мне кажется, я неплохо отношусь. По-своему неплохо. Если бы все так относились, было бы нормально. Если бы государство так относилось – было бы вообще замечательно.

(А., 21 год, м.)

Кажется, ясного представления о том, как именно и в каких объемах надо уважительно относиться к пожилым, и при этом каким образом этот образец должен бесконфликтно совместиться с реальностью, в нашей культуре сейчас просто не существует.

И.: А в очереди их часто пропускают? Вот вы, например?

Р.: Честно говоря, нечасто.

(А., 19 лет, м.)

Конструкция с «честно говоря» в данном случае выглядит как признание вины, хотя нормы пропускать пожилых в очереди, кажется, не существует. Практически все информанты говорили о своем уважительном отношении к старости на уровне *убеждений*, но в *реальности* собственных практик уважения мало кто уверен (за исключением некоторых информантов – выходцев с Кавказа, которые *точно знают*, является их отношение уважительным или нет), почти независимо от их содержания:

И.: Но вы-то сами как относитесь?

Р.: Я стараюсь с уважением...

(В., 20 лет, м.)

Информанты, описывая ситуации собственного не проявления уважения к пожилым людям – в частности, по каким причинам они не уступают последним место в транспорте, - в большинстве своем используют один и тот же прием – гиперболизацию обстоятельств, с некоторыми вариациями.

Когда, например, уставший. С огромной сумкой. Делал вид, что не замечал.

(Вс., 20 лет, м.)

Я могу не уступить только в том случае, когда у меня очень большие сумки или коробки.

(С., 22 года, м.)

Ну это если бы я вдруг очень уж там устал, то есть вообще уже никаких сил.

(А., 21 год, м.)

Ну в силу моей усталости иногда. Просто вот в силу того что... с тренировки. В силу плохого настроения, очень плохого настроения.

(А., 19 лет, м.)

В данном случае важно не то, были ли действительно информанты настолько утомленными/фрустрированными и т.д., а то, что они не находят возможности говорить об этом иначе, чем с максимальной ставкой на неблагоприятные условия. Ситуация переописывается через обстоятельства, подчеркиваемые как настолько

особые, что они буквально искалечили их поведение. (Этот хорошо фиксируемый тип реакций представляется мне одним из существенных преимуществ метода неформализованного интервью: каковы бы ни были истинные причины действий, способы их объяснения/легитимации всегда социальные, прямо или косвенно отсылают к нормативности.) Если причина не усилена наречием или прилагательным, ее непременно объяснят:

Ну, еду после института уставшая, болят ноги после физкультуры, ну что-нибудь такое.

(Н., 21 год, ж.)

Или даже сделают развернутую калькуляцию причин усталости:

А другое дело, когда ты... ну, вот, допустим, я сейчас подрабатываю. Вот получилось, я во вторник засек, получилось, что я в общей сумме я работал и учился девять часов, то есть больше рабочего дня, больше восьми часов. То есть я уже как, устал, мне уже неохота. Зашел, допустим, сел там в транспорте. ... Ты сел, и тебе уже ни до кого, неохота там не то чтоб встать, уступить, просто там, допустим. Ну, устал в конце.

(С., 19 лет, м.)

Психологический дискомфорт иногда вынуждает информантов описывать собственный опыт в третьем лице, лишь в конце раскрывая истинного участника:

...или, наоборот, агрессия. Сидит там, допустим, уже в автобусе... молодой человек там просто задумался, допустим, с утра. И тут начинается неоправданная агрессия со стороны пожилого возраста – «типа мне нельзя сидеть? Да я за тебя воевала! Что ты делал? Да ты там такой неблагодарный!» Лично у меня был такой случай.

(А., 21 год, м.)

Более редким объяснением является ссылка на общее состояние здоровья (поскольку объяснение все же обычно выстроено как причина, в действительность которой как минимум хотел бы поверить сам рассказчик); вне контекста хочется

если и не настаивать на постельном режиме, то, по крайней мере, порекомендовать срочно обратиться к врачу – то есть описание откровенно избыточно:

*Иногда бывает, что просто состояния здоровья не позволяет. Меня, допустим, в транспорте **очень сильно укачивает**, и я поэтому стараюсь присесть к форточке, а бывает так, что полный автобус, и встать... просто [не получается] ... у меня просто пониженное давление бывает, особенно в летние периоды, когда жарко, **очень тяжело***
(Е., 21 год, ж.)

Оправдательные интонации, в некоторой степени характерные для всех случаев, иногда имеют ключевое объяснительное значение, когда других причин не обнаружено:

Ну, вот в очереди, например, если мне осталось там чуток, и я давно уже стою... это я подумаю еще [пропускать или не пропускать пожилого человека]. Ну [я] просто человек такой.
(Ар., 21 год, м.)

Ну, в магазине вообще даже не принято, все стоят в очереди. В поликлиниках... пропускать – не пропускать, там и так практически одни пожилые. Поэтому я и говорю, что нет, я не пропускаю. А в остальных очередях... в транспорте – какая там очередь? Очередь на «Газель»? Ну да, могу уступить...
(А., 20 лет, м.)

Более сложной моделью является сочетание самооправданий со встречными обвинениями, но пользуются этой моделью в большинстве случаев только тогда, когда условный барьер в интервью снят с помощью одной из тактик «оправдывающих преамбул» (см. подробнее об этом ниже):

*Ну, едешь ты с тренировки или еще откуда-нибудь, зайдешь в трамвай, сядешь... ну вообще **стоять просто не можешь**... заходит **какая-нибудь бабулька, такая вся из себя, «место уступите мне»***

(наглым тоном), ты уже никак не можешь встать, но все равно встаешь.

(Е., 21 год, м.)

Характерно, что даже в подобных случаях информанты стремились озвучить сомнения в правомерности собственных действий:

И.: А есть такие, которым вы менее остальных склонны уступать? Вот алкоголики...

Р.: Пьяные, дурно пахнущие, которые своим видом неприязнь уже какую-то... Ну это, конечно, может и неправильно...

(А., 19 лет, м.)

Мощь возводимых информантами оправдательных конструкций указывает на то, что вопрос, с одной стороны, является достаточно безобидным и позволяет в описаниях вплотную приблизиться к предмету интереса, но при фокусировке на самом интервьюируемом уже балансирует на грани сенситивности, побуждает к активной реставрации лица, в результате чего описание собственного поведения начинает напоминать картины Дали с множественными подпорками под потерявшей убедительность реальностью.

Глава 3 Концептуальная картина «непроявления уважения»: неоднозначность практических ситуаций межпоколенческого взаимодействия

Повседневные мелкие межпоколенческие «конфликты»⁸ с участием молодежи и пожилых людей — типичное явление для крупного российского города. Вина за это традиционно возлагается на младшее поколение, что, по всей видимости, далеко не всегда справедливо [Смолькин 2008, с. 116-119], по крайней мере проблема нуждается во всестороннем описании и анализе.

Низкая степень рефлексии повседневных конфликтов и традиция рассуждать о них «без деталей», предельно абстрактно на фоне безусловно принимаемых представлений о пожилых людях как о «страдающих» (а не, например, о «причиняющих страдания»), позволяет поставить под сомнение если не вектор, то по крайней мере однозначность распространенных в общественном сознании представлений о повсеместном неуважительном отношении к старости. Исследования межпоколенческих отношений свидетельствуют о том, что проблема, хотя и не носит антагонистического характера [Лисовский 2002, с. 112], все же достаточно существенна, причем пессимистические оценки перспектив межпоколенческого взаимопонимания с возрастом заметно усиливаются [Саралиева 1999, с. 29].

Теоретической предпосылкой данной работы является предположение о том, что социальные позиции пожилых людей в современной России оказываются изначально ограниченными — в смысле признания (не декларативного, а практического) ценности их жизненного опыта, трудовых перспектив, наличия собственных специфических интересов и т.п. Мы обращаемся здесь к конфликтологической теории Й. Галтунга о «структурном насилии» [Galtung 1969] как системе дискриминации, легитимированной в наборе сложившихся норм. Пожилые люди оказываются заложниками существующей социальной системы, жертвами «институционализированных нарушений» (*institutional wrongdoing*) из-за

⁸ Слово «конфликт» берется нами в кавычки, так как здесь и далее под «конфликтной ситуацией» понимается такая, которую сам информант определял как конфликтную / дискомфортную или близкую к таковой, хотя в содержательном отношении она может и не удовлетворять словарным требованиям к определению. Речь, таким образом, чаще идет не о конфликтах, а о способах уклонения от них.

«культурно обусловленной моральной слепоты» [Pleasants 2008, p. 98]. Вследствие этого некоторые способы, с помощью которых они пытаются решить свои повседневные проблемы, порой инициируют конфликтные ситуации или вызывают у окружающих неприятие, негативно сказываясь на социальном статусе пожилых. Эта позиция задает рамку для понимания проблемы на уровне норм, касающихся *повседневного поведения* по отношению к пожилым людям. Иными словами, фокус теории структурного насилия позволяет осмыслять рассматриваемые конфликтные ситуации как социологическую проблему, не связанную с индивидуальными характеристиками действующих лиц.

Однако, согласно теории конфликта Р. Коллинза, люди в ситуациях взаимодействия имеют весьма ограниченные возможности для принятия рационального решения и действуют скорее рутинизированным или ритуальным образом. Настойчивые попытки объяснить поведение участников ситуации через социальные нормы несостоятельны и в лучшем случае могут описать эмпирически наблюдаемую регулярность; нормы здесь оказываются маскировкой описаний под видом объяснений [Roessel 2006, с. 509]. Фактически и сами акторы используют нормы для ретроспективных рационализаций, чтобы описать / осмыслить свои прошлые действия [Там же, с. 512], и использованные нами в данной работе интервью интересны именно в этом смысле — разумеется, сообщая нам не позитивистски понятое «объективное состояние дел», и даже не видение пожилых людей молодежью, а то, как именно и через какие нормы последними может быть этот опыт описан. Это помогает увидеть, как работают такого рода рационализации для согласования собственных действий акторов с признаваемыми ими нормами. Следует подчеркнуть, что исследование фокусируется не на глубинных причинах, а на практиках и конкретных формах «конфликтного» с точки зрения самих информантов поведения / взаимодействия, зачастую принимающего скорее *ритуальный*, чем действительно конфликтный характер. В этом смысле выбор конкретной конфликтологической рамки перестает быть важным, поскольку на собранном материале нет возможности обоснованно судить о его причинах.

3.1 Специфика повседневных межпоколенческих конфликтов⁹

Рассматриваемые конфликтные взаимодействия обладают рядом особенностей, отличающих их, например, от конфликтов со сверстниками или даже от конфликтов между представителями других возрастных групп. Типичный межпоколенческий конфликт с участием молодежи и пожилых людей мелкий и ситуативный, мировоззренческая составляющая в нем выражена ярче, он нередко разворачивается в противопоставлении ценностей и часто понимается участниками как групповой — через поколенческую идентичность, — а не как индивидуальный. Характерна быстрая децентрализация — собственно конфликтный эпизод обычно не развивается, но порой становится поводом для дальнейшей коммуникативной активности (обсуждение с другими свидетелями, морализированные нотации оппоненту). Само противостояние почти исключительно вербальное — известные мне случаи его обострения были вызваны скорее сторонними факторами (например, алкогольное опьянение), чем глубиной / неразрешимостью собственно конфликтной ситуации.

Поводом к конфликту обычно являются различные, действительные или мнимые, формы «непроявления уважения» со стороны молодежи по отношению к пожилым людям — например, несоблюдение льготного режима (не уступают место в транспорте, не пропускают в очереди) или отсутствие / недостаток инициативы в его соблюдении. Как правило, в действительности суть конфликта составляют претензии не столько к конкретному человеку, сколько к сложившейся системе межпоколенческих отношений, на острие которой (*время / место*) оказался обвиняемый. Вследствие этого агрессорами обычно оказываются именно пожилые люди, причем для них характерна специфическая форма поведения — «агрессивная жертва», не имеющая достаточных ресурсов для полноценной автономной защиты своих интересов или «восстановления справедливости», а потому публично апеллирующая к нормам, которые обвиняемый должен был бы соблюдать, маркируя таким образом ситуацию как девиантную.

Выход из конфликтной ситуации происходит, как правило, по инициативе молодежи, обычно это уклонение от конфликта (в числе прочего и потому, что status

⁹ Этот раздел, как и раздел «Советский стиль общения» является развитием идей, высказанных в тексте [Смолякин 2010], что и обусловило повторы отдельных фраз, словосочетаний и цитируемых фрагментов интервью.

quo выгоден именно последней). Ответная агрессия относительно редка. Сложившаяся культура повседневного взаимодействия не содержит предписаний для ситуаций, виноватыми в которых являются представители третьего возраста, предполагая по умолчанию отсутствие таковых, поэтому общепринятых публичных способов вступить в конфликт с пожилыми людьми практически нет и подобная попытка будет выглядеть как откровенно девиантная. Агрессия по отношению к пожилым не приветствуется даже среди радикальных субкультур и (полу)криминальных сообществ.

Агрессия со стороны представителя младшего поколения — такой поведенческий маркер, исходя из которого можно предположить, например, готовность к (физическому) насилию, что, как правило, по характерным чертам поведения распознается участниками еще на предкоммуникативной стадии. Вследствие этого с потенциальным(-ми) агрессором(-ами) обычно стараются «не связываться» (в этом смысле характерно, что прямые претензии пожилых людей заметно чаще адресуются девушкам, чем юношам). Мы не рассматриваем здесь те случаи, когда речь идет о преступлениях — там действует логика оппозиции не «старый / молодой», а «сильный / слабый», хотя и в этих случаях теоретически тоже могут быть задействованы оправдания в духе Раскольникова — «зачем ей, старухе, деньги?» — но скорее именно как оправдание, а не принцип выбора жертвы.

3.2 В ожидании конфликта: «Бывают такие, злые на весь мир...»

Практически все респонденты сообщают о своих уважительных аттитюдах к пожилым людям, но это утверждение сопровождается регулярной оговоркой о необходимости *симметричного* уважения.

Я сам просто отношусь так, как ко мне относятся. <...> Если видишь, что та же самая бабушка на меня орет, какое уважение может быть? А если там: «Сынок, уступи место», — то, конечно, я уступлю

(В., 21 год, м.).

Может быть такая малейшая, маленькая причина из-за того, что сами пожилые люди приводят к тому, что ты можешь им грубо

ответить. Сами пожилые люди могут быть чем-то недовольны и поэтому раздражительны: что-то им не понравилось, и они высказывают все сразу же

(С., 22 года, м.).

Подобные реплики легко (и необходимо) было бы игнорировать, будь они единичны, между тем они нередки даже у тех респондентов, которых трудно заподозрить в межпоколенческой злонамеренности (что, впрочем, не исключает возможного понимания этих реплик как оправдания собственных, недостаточно уважительных, действий). В то же время необходимость такого избирательного уважения гораздо реже оговаривается (или не оговаривается вовсе), например, респондентами — выходцами с Кавказа или (бывшими) сельскими жителями, когда они рассказывают о «малой родине». Любопытно, что проговаривать свои претензии к пожилым людям респонденты были склонны почти исключительно в тех случаях, когда их поощряли к этому прямым вопросом («Бывает ли, что пожилые люди сами виноваты в том, что к ним отнеслись неуважительно?» и т.п.).

И.: Не все пожилые люди заслуживают одинакового уважения?

Р.: Конечно, не все, как и любой человек. Насколько он заслужил репутацию, авторитет, насколько он добр, насколько отзывчив, такое отношение к нему и надо иметь. Конечно, он — человек. Но не все люди одинаковы, и с одинаковым уважением я не могу относиться ко всем пожилым людям

(А., 19 лет, м., Духовницкий р-н, дер. Горяиновка).

Справедливость таких утверждений в повседневном разговоре безусловна, но настораживает их регулярное проговаривание — по сути, это подобно тому, как если бы покупатель просил в магазине непременно функциональный товар, каким он, казалось бы, и должен быть по определению. Видимо, подобные отклонения в поведении пожилых уже попадают в горизонт ожиданий, не оказываясь нетипичным исключением, и сам преклонный возраст не включает автоматически уважительных моделей поведения.

Многие стараются по возможности избегать прямых контактов с пожилыми людьми в силу отсутствия общих интересов и нежелания вступать в бессодержательные, с точки зрения молодежи, диалоги. Описывая свое поведение в общественном транспорте, некоторые респонденты говорили о том, что стараются даже не садиться, чтобы потом не пришлось уступать место: в числе прочих объяснений такого поведения, безусловно, и попытка уклониться от (дискомфортных вариантов) коммуникации. Вместе с тем такая позиция сама по себе показательна — следовательно, межпоколенческие контакты могут быть дискомфортны / конфликтоопасны уже на уровне ожиданий, и даже при стремлении к нормативному поведению не гарантируют социального удовлетворения. Назывались и более экзотические причины избегания — вплоть до кажущихся анахронизмов.

Р.: Мне еще бабушка сказала — никогда с чужими бабушками не пытайся вступить в конфликт, потому что сейчас многие занимаются черной магией. Может, я мнительная, но я стараюсь как-то держаться в стороне от пожилых людей.

И.: А почему именно пожилые?

Р.: Как мне бабушка сказала, от скуки. <...> Бывает, если кто-то пристально смотрит, я фигу в карманчике, и подальше отвернуться...

(Е., 20 лет, ж.).

Следует отметить, что такое предохранительное поведение (во всех вышеперечисленных вариантах) само по себе может создавать / усиливать эффект «плохого отношения». Подобные опасения и возникающая в их результате некоторая коммуникативная настороженность — следствие убежденности, что многие пожилые люди к молодежи предвзяты [Соколов 2010, с. 595] и заранее ожидают с ее стороны неуважительного к себе отношения.

И.: А как Вы считаете, сами пожилые люди думают, что к ним плохо молодежь относится?

Р.: Думаю, да. Ну не, не то чтобы плохо, а... безразлично. Они считают себя никому не нужными. Соответственно, плохо

(В., 23 года, м., Саратов–Москва).

Может, они привыкли, что к ним так относятся. Ну [неуважительно]. Поэтому и [привыкли себя так вести] <...> у пожилых людей предвзятое отношение к молодежи

(В., 21 год, м.).

3.3 Пожилые охотники за общением: мелкий конфликт как способ коммуникативного бытия

Как существующие стереотипы, так и служащие их основанием некоторые поведенческие практики пожилых людей формируют взгляд на старость как на период одиночества и оставленности, пребывания в состоянии острой коммуникативной недостаточности. Например, распространенная среди пожилых (в основном женщин) практика подкармливания птиц, кошек и собак, полумедитативное общение с ними в отсутствие собеседников-людей маркирует индивида как одинокого, скучающего фланера; кроме того, отдельные элементы такого поведения служат потенциальным поводом подозревать ментальное нездоровье. В известной степени отмеченный выше стереотип небезоснователен, и, по всей видимости, определенная часть мелких повседневных конфликтов с участием пожилых людей есть лишь способ заполнения коммуникативных лакун, ситуативная попытка преодоления одиночества. (Подобно этому, отдельные исследователи-наблюдатели связывают участие пожилых в митингах КПРФ не столько с политическими устремлениями, сколько с возможностью подтвердить идентификацию с определенной привычной и интуитивно понятной общностью, оказаться в знакомом коммуникативном пространстве [Жаковска 2011, с. 205].)

Здесь следует расшифровать / детализировать (ответные) межпоколенческие коммуникативные тактики младшего поколения. Несклонность молодежи к не имеющим с ее точки зрения практической ценности межпоколенческим коммуникациям формирует позицию, с которой любое обращение воспринимается как ненужное и утомительное. В этом смысле есть основания говорить о недостатке социальной ответственности / солидарности, редукции чувства социального долга и прочих негативных последствиях социализации в условиях аномии и социокультурных / мировоззренческих разрывов между поколениями. Именно такая позиция молодежи (впрочем, до известной степени характерная и для

представителей других возрастных групп) вынуждает пожилых людей прибегать в поисках общения к указанным обманным маневрам. Эта специфическая черта именно межпоколенческих конфликтов с участием пожилых людей, для прочих видов повседневных конфликтных ситуаций она, кажется, не характерна.

Таким образом, конфликт может выполнять специфическую функцию коммуникативного сближения с оппонентом или свидетелями происшествия, выход на дистанцию разговора. Нередко логика поведения пожилых так и рассматривается наблюдателями — не столько как ответная реакция (на неуважение), сколько как поиск повода к вербальному столкновению, сосредоточенность на подборе ключей, или скорее отмычек, к диа-/монологу.

И.: А конфликты с другими людьми?

Р.: Ну, в общественном транспорте или на улице. Чтение морали. Или вот просто одинокие пожилые люди... у которых не осталось мужа, жены, им же скучно жить, не с кем поговорить, родственникам они не нужны. Бывает же такое! Вот они на улицу выходят и специально нарываються на конфликт, лишь бы чтоб поговорить, лишь бы их выслушали, начинают вот конфликтовать, говорят-говорят-говорят, а потом начинают тихо переходить плавно на свою жизнь. Сначала началось с того, что вот, молодое поколение, вы ужасные, вы не такие, вот у нас было так, и потом уже на абсолютно ровном тоне начинает: «Вот во времена моей молодости... мы пошли туда-то, сделали то-то». И они просто говорят, они даже уже не ругаются. И вот этой своей надоедливостью они очень сильно... расстраивают. <...>

И.: А почему [конфликты] случаются?

Р.: Из-за того, что многие пожилые люди одиноки, и им просто хочется пообщаться. В любой форме. Хоть конфликт, хоть спор, хоть диалог, или монолог лучше вообще.

И.: То есть вообще никак не связано это с ситуацией?

Р.: Нет

(Т., 19 лет, ж., г. Энгельс).

Способы поиска собеседника могут принимать изящную комплиментарную форму, где конфликту отведена роль объединяющего начала, точки опоры для дальнейшего диалога. В логике «молодежь нынче совсем старших не уважает, но ты, я вижу, не такой» пожилой человек может обозначить молодого как «правильного» собеседника, достойного внимания, с которым можно разделить время и беседу. В данном случае описываемая им повсеместность межпоколенческого конфликта (действительная или мнимая) через указание на многочисленность «неправильных других» — исключительно фоновая, пролегомены к дальнейшей беседе, межпоколенческий вариант разговора «о погоде» в коммуникативном репертуаре пожилых. Кроме того, такие утверждения могут усиливать чувство вины за сверстников и общество в целом, которые не уделяют достаточного внимания пожилым людям, и побуждать к сочувствию в форме внимания. Таким образом, межпоколенческий конфликт может изначально быть преувеличенным или даже надуманным / ложным и конструироваться пожилым человеком для того, чтобы при возможности перейти от него к общению (с позиции «снисходительного обвиняющего») с обвиняемым или свидетелями обвинения.

Другой важной причиной конфликтного поведения является стремление к психологической разрядке. Отчасти это сформировано именно негативными межпоколенческими ожиданиями, работающими в данном случае как вывеска для гипотетической арены конфронтации, привлекательной тем, что здесь конфликт будет развиваться в ожидаемых рамках и никого не удивит, поскольку такая структура ожиданий задает молодежи роль тех, к кому необходимо приложить воспитательные / поучающие усилия (см. также раздел «Советский стиль общения»).

Надо относиться к ним на отлично, и все-таки пусть пожилые люди относятся к нынешней молодежи более хорошо, а не с отрицательной энергией, накопленной за всю свою жизнь.

(П., 25 лет, м., Татищевский р-н, с. Сторожевка).

Р.: Сами пожилые иногда пользуются своим этим положением, что они пожилые... Злоупотребляют этим.

И.: И много таких?

Р.: Да нет. Злоупотребляют, я думаю, те, у которых... на самом деле им нечем заняться. Они вышли на пенсию, они чем-то там... как-то

там еще поработали... <...> и ему больше делать нечего, телевизор... сериалы... они идут, им нечем заняться, не с кем поговорить. И они что-нибудь, кого-нибудь заденут, чтобы поорать, высказаться. Снять напряжение таким образом на ком-то, за счет кого-то. <...> Просто на самом деле некоторые ищут повод, чтобы задеть, поорать.

(В., 20 лет, м.)

Границы типовых ожиданий подобных ситуаций включают вербальный конфликт фактически как вариант нормы, создавая в повседневности зоны сброса негативной энергии, подобно тому как, например, болельщики на стадионе ведут себя экспрессивнее, чем в повседневной жизни. Таким образом, пространство межпоколенческого взаимодействия — место, где конфликт, выраженный в форме наставления / поучения, оказывается достаточно легитимен.

3.4 Безадресные жалобы

Нередко выбираемая пожилыми форма обращения — безадресные жалобы, когда сообщаемые претензии не имеют конкретного адресата, предназначены не только определенному человеку, но и публике, подразумевая предложение обсудить заявленную проблему. Этот вариант общения позволяет вести нефорсированный управляемый монолог / диалог — здесь минимален риск попасть в неловкую коммуникативную ситуацию (если человек ни к кому конкретно не обращается, то и прерывать / игнорировать его некому). Отсюда проистекает богатый выбор вариантов развития сюжета, ведь безадресную жалобу можно развивать самостоятельно, как диалог с самим собой, доверяя другим участникам лишь отдельные реплики, т.к. безадресность не подразумевает обязательного ответа (впрочем, при желании можно поставить в вину неназванному адресату, что он не отреагировал должным образом). Такой стиль жалоб тоже справедливо считать помимо прочего поиском общения — более того, иногда это видится едва ли не ключевой причиной ситуации.

Подобная форма коммуникации может, во-первых, при определенных условиях актуализировать негативные стереотипы (но именно в случае «разговоров не по теме», а не повышенной болтливости — первое актуализирует стереотипы об умственной деятельности: низкие интеллектуальные возможности, забывчивость,

низкая обучаемость и т.п. [Ruscher 2000, р. 145-147]) и, во-вторых, вызывать раздражение, подобное тому, которое вызывают слухи, — на не прямое обвинение невозможно адекватно ответить.

Был один раз случай, чисто случайно я не заметила бабушку, которая ехала рядом со мной, и вот я ехала остановок пять и остановок пять я слышала, какая я плохая. Ну я встаю, я промолчала, я никогда ничего не скажу, потому что я знаю, что это моя вина. Я вообще стараюсь не садиться. Даже если трамвай полон и место освободилось, я стараюсь не садиться. Считаю, что лучше... себе дешевле, чтоб потом не слушать, какая ты. <...> Они начинают издали. Они начинают, какая молодежь пошла невоспитанная, а потом конкретно обращаются к человеку, который сидит.

(Е., 20 лет, ж.)

Рассматриваемый вариант обращения может и не принимать развернутую форму, ограничиваясь намеками на плохое самочувствие — вербально, с помощью поз, жестов и т.п.

Ан.: Встает и со вздохом: «Ох, тяжело». Вот это было. <...> вот именно такое, типа «тяжело дышать», «откройте окна, форточку»

(А., 21 год, м., г. Александров Гай).

Кажется, именно такая форма считается достаточно легитимной:

Когда учился в лицее, я в автобусе... там бабушка. Допустим, как бы сделал бы я, если мест нет, — встал бы рядом с тем, кто уже сел [сделал бы вид, что устал], я считаю как, увидел бы, встал бы и уступил место. Нет — бабушка встала, и начинает: «Вот, молодые никудашные пошли, да вот место не уступите бабушке», — и там пошло-поехало, история целая.

(А., 21 год, м., г. Александров Гай).

Здесь мы наблюдаем не отлаженный до прозрачности (и, следовательно, потенциально конфликтный) компонент ситуации повседневного взаимодействия — отсутствие прямой просьбы делает ответную реакцию близкой к необязательной

(или по крайней мере легко превращающейся в таковую при соблюдении соответствующих правил нарушения правил — «уснуть», «не заметить» и т.п.). При этом прямых приемлемых способов обратиться с просьбой с соблюдением необходимого и устраивающего обе стороны баланса (между агрессивной и униженной просьбой с откровенно просящей интонацией) в отечественной культуре не выработано (о возможных причинах этого см. раздел «Советский стиль общения»).

3.5 «Свой мир уходит»: апелляции к гармонии старых порядков

Мир, в котором оказались пожилые, — мир для них неожиданный в худшем варианте: происходящее не сообразуется ни с их желаниями и надеждами, ни с представлениями о допустимом, что усиливает естественный дискомфорт старости. Большая часть пожилых людей не смогла приспособиться к постсоветской действительности, вынуждена отказываться от привычного образа жизни, свыкаться с утратами и ограничениями. Обычно представители этой возрастной группы дезадаптированы, реформационную деятельность правительства оценивают негативно и, как следствие, склонны к пессимистическим ожиданиям / настроениям [Левада 2002, с. 7–8, 11, 13]. В ходе наших ранних исследований (анкетный опрос 2003 г.) одним из авторов настоящей работы было сделано предположение, что представители «третьего возраста» по большей части не просто не могут вписаться в новую систему отношений, но и, воспринимая новые ценности / стандарты как «порочные», предпочитают скорее пассивные формы адаптации [Смолькин 2005, с. 71]. Это дает им известное моральное право выступать в качестве судей нового мира, хранителей старых (= истинных) ценностей.

Пожилые люди, претерпевающие ресоциализационное насилие со стороны социальной системы, не имея внятного адресата критики, склонны персонализировать ответственность, возлагая ее на отдельных относительно удачливых представителей нового мира, или по крайней мере назначать эту роль своим локальным оппонентам — их могут обвинить в «развале страны», «распродаже России» и т.п. (хотя в последние годы такой вариант встречается уже относительно редко, это универсальное обвинение ушло вместе с 1990-ми).

И.: Откуда же такая агрессия?

Р.: Не знаю. Тож же у них жизнь не лучшая в России... Может, это уже... к старости люди менее оптимистично смотрят на жизнь... Все у них уже подходит к такому образу жизни, домашнему. Свой мир уходит

(А., 21 год, м., Ханты-Мансийский АО, пгт. Пойковский).

Это, может, просто зависит от человека. <...> От возраста то же может зависеть. Может, человек чем-то недоволен, в плане накопившейся с возрастом обиды на что-то, и она выражается в отношении к другим людям, особенно именно к тем младше их по возрасту. Может, просто им кажется, что нынешнее поколение совсем не то, которое они хотели видеть

(С., 22 года, м.).

Из всех потенциальных объектов критики молодежь является, во-первых, однозначно идентифицируемой (как таковая) и потому / при этом наиболее доступной для контактов (в отличие от, например, чиновников). Во-вторых, она более восприимчива к «новым веяниям», чем представители прочих возрастных групп, в результате чего представители младшего поколения визуально воспринимаются как «другие». В-третьих, как уже отмечалось выше, с точки зрения пожилых людей, молодежь — традиционный объект воспитания, в то время как она сама подобные пассивные роли сегодня уже отвергает.

Ну порой тоже не понимаю отношения взрослых. Пример соседей: идешь — да, погулял на улице, съездили на дискотеку — утром идешь часов в пять. Бабушка стоит, начинает матом орать ни с того ни с сего: «Че вы там, типа, всю ночь где-то шляетесь, [а] теперь ходите». Мы просто мимо прошли и все. Либо, например, тоже... но это, может, и не пожилые... собрали по всему подъезду бычки, привязали в пакетике к дверной ручке. А мы — они знают, что мы в подъезде никогда не курим... Странное вот иногда такое отношение, агрессивное идет к молодежи... Подруга придет в гости, уезжает, скажем, часов в одиннадцать на такси, ей там вслед соседи, бывает, кричат... легкого поведения, мол...

(А., 21 год, м., Ханты-Мансийский АО, пгт. Пойковский).

И.: А еще какие-нибудь примеры с чтением морали помните?

Р.: Да они все примерно однотипные. Что мы глупые, мы ничего в жизни не понимаем, что мы развратные, что мы прожигаем свою жизнь и при этом мы еще пьем, курим и наркоманим. Это всегда, это абсолютно точно — все маразматичные старики почему-то считают, что мы алкоголики, наркоманы и куряки заядлые, и все что угодно. И что мы даже ничего не хотим, что абсолютно неправда.

(А., 19 лет, ж.)

Р.: То есть у них так сложилось, что им всегда все должны обязаны делать, беспрекословно причем выполнять. Как тираны какие-то прямо... То есть, если ты отступаешь от их личных принципов, не от своих, не от общепринятых, мораль там в обществе, а только от ее личного или там от его личного мнения, то ты все, ты оказываешься неправ.

И.: И часто Вы с таким сталкиваетесь, с таким диктаторством?

Р.: Бывало. <...> Они так ведут себя в основном с молодежью, а со своими ровесниками чего они там будут... доказывать.

(Р., 21 год, м.)

На межгрупповом уровне поколенческий конфликт может выступать как способ артикуляции поколенческой идентичности, не случайно респонденты, даже дистанцируясь от ситуации в ходе интервью, нередко описывают столкновения с пожилыми людьми с позиции «мы» / «они». Вследствие этого обе стороны имеют склонность воспринимать свои диспозиции друг относительно друга как конфронтационные, подразумевающие некие неустранимые разногласия, в результате чего практически всякая ситуация соприсутствия может пониматься как предконфликтная.

И.: А бывают случаи, когда бы Вы не уступали место?

Р.: Ну, кстати, да... Бывают такие навязчивые старушки... даже не старушки, в районе 55 лет. Наверняка Вы слышали, сталкивались

сами с этим там... Какая-нибудь женщина... Она идет на конфликт, она не хочет сесть, она хочет пойти на конфликт. То есть она, допустим, с сеткой какой-нибудь встанет, будет ее на вас постоянно ронять. При этом с соседкой, абсолютно незнакомой женщиной, заведет разговор, что молодежь пошла там... ужас, страх, никого не уважает... В принципе, один раз была такая забавная ситуация, с девушкой едем в трамвае, переднее двойное сиденье. Не знаю, как так получилось, практически все в трамвае были возраста от 50 лет. [пауза] Демонстративно, конечно, [мы] не вставали, потому что было действительно предвзятое отношение. Они долго распинались, значит, это уже было смешно просто, конечно. <...> Некоторые люди сознательно хотят пойти на конфликт, [а не сесть]. <...> Пойти на конфликт — это уже их самоцель.

(С., 20 лет, м.)

3.6 Советский стиль общения

Одной из важнейших обоюдоострых причин рассматриваемых конфликтов является все еще характерная для отечественной коммуникативной культуры позднесоветская стилистика общения. Нарботанные в советское время повседневные коммуникативные стили предназначались не для нейтрального взаимодействия, а скорее для принуждения другого к исполнению его обязанностей, вытеснение его в поведенческую норму, из которой, как предполагалось, он пытается выйти. Советская повседневная культура общения конца 1980-х гг. как культура тотальных воспитательных практик была замечательно и иронично описана А.Б. Гофманом: «Право воспитывать друг друга заменило другие права и стало восприниматься как наипервейшая обязанность. <...> мы живем в обществе если не воспитанных, то, во всяком случае, воспитывающих людей. <...> Квалификация наставляющих, их собственные <...> умения могут вызвать сомнения, но <...> их призвание — не самосовершенствование, а совершенствование других. Большой популярностью пользуется воспитание в общественных местах» [Гофман 1991, с. 173] и т.п. Несмотря на значительные изменения последних десятилетий, культура замечания / реакции на замечания в России не сложилась до сих пор: типовым ожиданием является именно конфликтный ответ как сопротивление поучениям

(автор сам неоднократно сталкивался с ситуацией, когда его вежливая реакция / согласие в ответ на жесткие критические замечания вводили оппонента в состояние растерянности / замешательства).

Отечественным традициям публичной коммуникации не хватает деликатности, искусства замечания, исправляющего ситуацию, не роняя при этом ни собственного достоинства, ни достоинства оппонента¹⁰. В позднесоветской (и особенно ранней постсоветской) культуре уважение со стороны других — не ожидаемая реакция, а желаемая цель, такой же объект повседневного завоевания, как место в очереди (= «под солнцем»), дефицитный товар или услуга. Здесь человек занят непрерывной колонизацией социального, не просто пытаясь по мере сил проявлять необходимые первопроходцу качества вроде гипертрофированной решительности, но даже не рассчитывая, что иные стратегии тоже могут приносить необходимый результат.

Р.: Я считаю, что должны все относиться к ним уважительно. Но бывают такие случаи... Есть такие пожилые люди, к которым не очень хочется относиться с уважением. Которые там тебя и «хорошо» назовут, и еще чего-нибудь... <...> Ну едешь ты с тренировки или еще откуда-нибудь, зайдешь в трамвай, сядешь... ну вообще стоять просто не можешь... заходит какая-нибудь бабулька, такая вся из себя: [наглым тоном] «Место уступите мне». Ты уже никак не можешь встать, но все равно встаешь.

И.: А тут в чем дело — в Вашей усталости или в том, что невежливо просят? То есть, если бы вежливо обратились?..

Р.: Ну, конечно, я бы так встала, молча [и как неприятный эпизод не вспоминала]

(Е., 21 год, ж.).

¹⁰ Характерный пример: лексема «пожалуйста» парадоксальным образом может включать оскорбительные коннотации, даже если произносится без специфической интонации. Если же на этом слове делают акцент, оно нередко приобретает агрессивный или издевательский оттенок. Напротив, «пожалуйста», сказанное «от души», получает почти просительно-унизительную окраску. Не несущее нежелательных коннотаций «пожалуйста» чаще всего говорится с подчеркнуто *ничего не значащей* интонацией. Между позицией «бессилия» и «требования» не находится приемлемого варианта, практики нейтральной работы лица по Гофману [Гофман 2009] лишь на пути становления, особенно в провинции. Характерно, что при общении со знакомыми довольно часто используют заимствованные русифицированные синонимы («плиз», «пардоньте», «сорри», «экскьюз(е) ми(муа)», и т.п.) или сокращения (обычно в письменной речи: «спсб» или «спс», «пож-ста», «пасиб») — это помогает избежать от описанных выше нежелательных коннотаций.

Р.: Допустим, в автобусе когда едешь там... бабушки... ну как сказать... тоже, допустим... орут на тебя там. Нет, чтоб сказать: «Сынок, уступи, пожалуйста, место». Нет, они начинают орать: «Почему сразу не уступил!?!»

И.: Вы часто бываете в таких ситуациях?

Р.: Да, часто

(В., 21 год, м.).

И.: А не были ли Вы свидетелем, когда сами пожилые люди действуют так, что к ним уважения не проявляется?

Р.: Было такое... Ну... не знаю, грубое общение, что ли... не знаю... Видишь, что сидит бабушка, лет 70, и начинает там, допустим, если кто-то что-то... такие ситуации [конфликтные] возникли, начинает ругаться, вплоть до мата. И неприятно с такими людьми дело иметь.

(В., 20 лет, м., Тюменская обл., Нижневартровский р-н, пгт. Новоаганск).

Повседневные коммуникативные практики не имеют типовых бесконфликтных моделей устранения межпоколенческих противоречий, в лучшем случае речь идет об уклонении от конфликта.

И.: А вот случаи, когда сами пожилые ведут себя «не по статусу»? Каковы их последствия, какая Ваша реакция?

Р.1: Это возмущение, во-первых. <...> Ясное дело, что это неприятно, если кто-то... кричать на тебя... но чтобы как-то еще ответить на это — это нет, конечно... <...>

Р.2: И не знаешь что сказать, как реагировать. То есть, если бы это был ровесник, была бы совершенно другая реакция. А вот именно вот так вот, к старшему... все равно воспитание внутри нас у каждого какое-то заложено, какое-то уважение... Любого человека взять, все равно есть нормы моральные какие-то... поведение в обществе — это все воспитано. Это же все в общественном месте, не в подъезде один на один, не на лавочке...

(Ан., 21 год, м.).

На грубость старика трудно адекватно / симметрично реагировать, ситуация остается незавершенной, т.к. легитимного выхода из нее нет, что вызывает психологический диссонанс. В результате молодежь прибегает к таким предупредительным и ответным действиям, которые не содержат прямых нарушений, — выстраивает модель отношений по принципу «не замечать» и «игнорировать», распространяя ее на возможно большее число конфликтоопасных ситуаций.

Следует отметить, что межпоколенческие конфликты с откровенной агрессией со стороны пожилых довольно редки (обычно респонденты с трудом вспоминали «из недавнего» 1–2 эпизода), но хорошо запоминаются (в приводимой ниже цитате респондент вспоминает случай, свидетелем — не участником! — которого он стал в детстве) и производят настолько сильное впечатление, что даже один такой эпизод способен изменить траекторию поведения субъекта / наблюдателя. По всей видимости, подобные истории не просто встраиваются в габитус индивида, но, как и всякое выходящее за пределы ожиданий событие, часто рассказываются друзьям / знакомым в качестве «забавных случаев из жизни» (с возможной радикализацией сюжета в процессе пересказа), в результате чего надежнее удерживаются памятью рассказчика и формируют соответствующие экспектации у адресатов. Кроме того, в молодежной среде такие истории распространяются с большей скоростью и в большей аудитории (через рассказы однокурсникам, интернет-форумы и т.п.), чем среди представителей других поколений.

Пример <...> из очень далекого детства. Наверное, лет 7–8 мне было, очень давно. Когда в транспорте я ехал, достаточно далеко [надо было ехать], и на одном сиденье, два места, сидели две девушки молодые. И зашла бабушка, достаточно пожилая, она такая бойкая вся, боевитая, и в приказном тоне приказала ей уступить место. Ну девушки так это, мол, повежливее попросите. А бабушка заявляет: «Вы мне должны все, обязаны». И в итоге кончилось тем, что она к ним на колени взгромоздилась сама, к этим девушкам. Вот до такого доходит.

Девушки, в общем-то, я так считаю, вполне не против были уступить место, но когда их вежливо все-таки попросят, но когда тебе начинают хамить... «вы все должны», «все обязаны» — это... очень неправильно, так сказать

(С., 19 лет, м.).

Мы не можем рассматривать такие интерпретации межпоколенческих конфликтов исключительно как попытки самооправдания под давлением нормы уважения к пожилым людям, т.к. нередко встречаем их в контексте, где режима оправдания не требуется, — например, объективную оценку ситуации можно вывести из реакции на действия пожилых людей ее свидетелей или рассказа стороннего наблюдателя.

Р.: Я с девушкой ехал. Там на переднем сиденье автобуса два места как раз, сразу за кабиной водителя. А там еще сзади места были. Я сижу, думаю, ну зачем уступать, сзади места есть... А бабушка такая тоже... Ну, в общем, разоралась...

И.: И Вам ее реакция показалась грубой?

Р.: Да она всем показалась грубой! Потому что за нас стали заступаться люди другие. Кондуктор тоже: «Нет чтоб попросить там: “Встаньте, пожалуйста, уступите место...”».

И.: То есть другие люди сделали ей замечание?

Р.: Да

(В., 21 год, м.).

[На пожилую женщину — инициатора конфликта в автобусе] реакция была неоднозначная... причем, мне кажется, что осуждали ее... Никто, конечно, ничего не сказал, и молодой человек ничего не ответил, но все как бы задумались. И негатив, который бабушка выплеснула, он к ней вернулся осуждением в душе каждого, кто был в автобусе

(А., 21 год, м., г. Александров Гай).

И.: Вы бы сами пропустили?

Р.: Если стоит за мной [бабушка], почему бы и нет? Хотя бывают такие бабушки, которые оттолкнут тебя десять раз и

залетят первыми, я такое тоже наблюдал. Например, на вокзале стояли в очереди, а там у меня есть знакомая, она беременная была, месяц восьмой, и бабулька стоит такая. Подъезжает маршрутка, я прошу: «Пропустите беременную». Она прям так отталкивает, она чуть ли не падает, орет, матом... Все равно там уступили беременной... вроде какой-то там мужчина встал, вышел... Ну там не совсем бабушка, лет 60–55 — женщина

(А., 21 год, м., Ханты-Мансийский АО, пгт. Пойковский).

Агрессивное поведение способно приносить чисто прагматические выгоды, но стратегически оказывается убыточным — например, пожилого человека могут пропустить в очереди или на свободное место не в качестве демонстрации уважения, а чтобы «не связываться». Наиболее серьезным следствием такого поведения пожилых людей является изменение самой установки на уважение — по крайней мере, можно сказать, что уважительные действия теперь не совершаются автоматически, а соизмеряются с контекстом и самим объектом гипотетического уважения. Тормозящими факторами могут оказаться наличие у пожилого человека признаков, указывающих на потенциальную конфликтность, или даже отсутствие признаков «правильного» и «нескандального» старика [Смолькин 2008, с. 119-120]. Формулироваться это может довольно жестко:

Мне подружка рассказывала, она пропустила бабушку вперед, там огромная очередь на маршрутку, просто огромная. Ну, она говорит, пропущу, старый человек. Так она ее мало того, что толкнула, так еще и обозвала. Большие, она говорит, никогда не пропускаю.

(Е., 21 год, ж.)

По всей видимости, ситуация межпоколенческих контактов в ряде случаев изначально имеет статус потенциально-конфликтной: для информантов типичны настороженно-безразличные аттитюды по отношению к пожилым людям, при этом многие оговаривали необходимость симметричного уважения со стороны пожилых; характерны избегание (вербальных) контактов, представление о том, что пожилые люди часто предвзяты по отношению к молодежи, неприятие традиционной роли объекта воспитания со стороны старших.

Негативные ожидания любой из сторон помогают истолковывать всякие неоднозначные действия другого как потенциально конфликтные, что обостряет

ситуацию и ограничивает возможность (адекватно воспринятого) нейтрального поведения. Для пожилого человека инициируемый им конфликт может быть лишь способом общения с целью преодоления одиночества, для психологической разрядки, более или менее осознанной артикуляции поколенческой идентичности — наши данные не позволяют судить об этом однозначно, но именно так они воспринимаются опрошенными. Важной причиной конфликтов является агрессивно-аномический (пост)советский стиль коммуникации (например, модель поведения «агрессивной жертвы»), препятствующий проявлению любых форм солидарности.

Специфика выборки не позволяет судить о распространенности описанных установок по отношению к пожилым людям. Данные других исследований и контекст интервью (информантам, как правило, казалось, что они проговаривают общеизвестные вещи) склоняют к предположению о типичности описанных моделей, однако эта гипотеза требует детальной проверки количественными методами.

3.7 «Преступное бездействие» и неразличимость «нейтрального» отношения

Говоря о плохом отношении, интервьюируемые главным образом приводили примеры не столько «плохих действий», сколько отсутствия действий уважительных. Так, пожилым *не* уступают место в транспорте, не замечая или делая вид, что не замечают их, *не* помогают «донести сумку», «перейти дорогу», *не* пропускают в очереди, в общении с пожилым человеком *нет* уважительного тона, наконец, государство уделяет им *недостаточно* внимания. Иными словами, в определенных контекстах старость *обязывает* других к действиям — примерно в той же логике, что и, например, несчастный случай.

В такой перспективе ситуации не продемонстрированного в силу объективных причин уважения (допустим, действительно не заметил в транспорте, не имел возможности помочь донести вещи — см. таблицу А) не имеют ясных границ с «плохим отношением», и при наличии фонового знания о распространенности «плохого отношения» могут быть истолкованы как его проявления, поскольку оцениваются по результату (уступил место = «проявил уважение», и наоборот), в то время как другие составляющие процесса (представление о ситуации, ресурсы) даже при сфокусированном наблюдении считаются плохо. Соответственно, и спектр

оценки действий окружающих оказывается смещенным в негативную сторону под давлением фоновых представлений о неуважительном отношении.

Таблица 1– Типология действий, демонстрирующих отношение к пожилым людям*¹¹

<i>Модели демонстрации уважения</i>	<i>«знать»</i>	<i>«мочь, иметь возможность»</i>	<i>«сделать»</i>
«Хорошая»/«Идеальная»	+	+/-	+
Не продемонстрированная (условно-нейтральная)	–	+	–
	+	–	–
«Плохая»	+	+	–

Таким образом, многие ситуации без явных признаков уважения могут пониматься наблюдателями как «плохое отношение», в то время как сам носитель «плохого отношения» будет склонен либо истолковывать свои действия как нейтральные (по крайней мере, оправданные), либо даже вовсе не подозревает о своей включенности в ситуацию взаимодействия с пожилым человеком. Более того, наличие в фоновом знании об отношении к пожилым людям готовой объяснительной модели «относятся плохо» с высокой вероятностью приведет к возникновению *стереотипа о распространенности стереотипов* – любые действия, понятые как негативная реакция на конкретного пожилого человека, будут истолкованы как связанные именно с возрастом, а не с другими характеристиками человека/ситуации, в то время как на практике причиной действительно негативной реакции может оказаться многое – от тембра/интонации голоса и внешнего вида до национальной принадлежности. Всякая ситуация прежде всего будет соотнесена с идеей дискриминации по возрасту, и лишь потом, в случае очевидной объяснительной неудачи, может быть предпринят поиск более релевантных объяснений. Можно сказать, что само знание о возможности дискриминационной

¹¹ Предложенная таблица является условной и упрощенной, и не позволяет сколь-нибудь полноценно классифицировать все практическое разнообразие практик отношения/действия к пожилым людям (так, «знать» в таблице предполагает скорее «наблюдение и предупреждение возможной просьбы о помощи», чем «включение в ситуацию вследствие прямой просьбы»; безусловно, подобные сценарии необходимо разграничить), но в данной работе такая детализация не представляется необходимой.

ситуации начинает работать как самореализующееся пророчество в области объяснения, и мы попадаем в ловушку «эйджецентристского видения», когда всякая попытка критиковать самих пожилых людей, независимо от оправданности таких действий, воспринимается как неуважение к старости. Здесь разумно задаться вопросом, не перестает ли человек замечать собственные недостатки, думая о себе как о жертве дискриминации?

Наконец, необходимо обратить внимание на еще один аспект – для наблюдателя часто неуважительные и нейтральные действия не только неразличимы, но и длительны во времени (мы наблюдаем, как человек *не* уступает место), в то время как акт уважения (уступить место) кратковременен, занимает, по моим оценкам, 3-5 секунд, и, безусловно, фиксируется наблюдателем реже.

Итак, не только собственно «плохие действия», но и отсутствие действий уважительных, независимо от причин, часто маркируется как «неуважение». Таким образом, понятие «нейтрального отношения» лишено форм практического воплощения; для наблюдателя «плохое» и «нейтральное» отношение нередко оказываются неразличимы, и последнее с высокой вероятностью будет истолковано как «безразличное» (что, по сути, подвариант «негативного», негативное в пассивном залоге). Следовательно, отношение к пожилым людям может представляться хуже, чем фактическое, формируя соответствующие фоновые ожидания.

3.8 Нереализованность уважительного отношения и его причины

Как показали наши исследования, на практике имеющееся «хорошее отношение» к пожилым людям зачастую оказывается нереализованным, декларируемое «уважительное отношение» не переходит в действия по следующим причинам:

1. Конфликтные ожидания

По всей видимости, ситуация межпоколенческих контактов в ряде случаев изначально имеет статус потенциально-конфликтной: для молодежи типичны настороженно-безразличные аттитюды по отношению к пожилым людям, при этом многими респондентами оговаривалась необходимость симметричного уважения со стороны самих пожилых; характерны уклонение от контактов, представление о том,

что многие пожилые люди сами предвзяты по отношению к молодежи, неприятие традиционной роли объекта воспитания со стороны старших.

я сам просто отношусь так, как ко мне относятся. <...> Если видишь, что та же самая бабушка на меня орёт, какое уважение может быть? А если там «сын, уступи место», то, конечно, я уступлю.

(В. 21 год, м., апрель 2008)

Для пожилого человека, со своей стороны, инициируемый им конфликт может быть способом общения с целью преодоления одиночества, психологической разрядки, артикуляции поколенческой идентичности – наши данные не позволяют судить об этом однозначно, но определяющим здесь является то, что именно так они нередко воспринимаются наблюдателями. Важной причиной конфликтов является агрессивно-аномический (пост)советский стиль коммуникации (например, модель поведения «агрессивной жертвы»), препятствующий проявлению любых форм солидарности [Смолякин 2010].

И.: А почему [конфликты] случаются?

Р.: Из-за того, что многие пожилые люди одиноки, и им просто хочется пообщаться. В любой форме. Хоть конфликт, хоть спор, хоть диалог, или монолог лучше вообще.

И.: То есть вообще никак не связано это с ситуацией?

Р.: Нет.

(Т. 19 лет, ж., г. Энгельс)

2. Демотивирующие действия пожилых людей, препятствующие проявлению уважения

Отношение к пожилым людям может являться ответной реакцией на их собственные «нестатусные» действия; опыт таких ситуаций будет являться сдерживающим фактором для проявления «хорошего отношения», трансформируя его в «нейтральное». Например, бедность пенсионеров порождает специфические поведенческие практики (или блокирует социально желательные), потенциально

способные понизить ситуативный статус пожилого человека либо запустить механизмы стигматизации – это может быть вызвано широким набором действий, ориентированных как непосредственно на преодоление бедности (например, нищенствование), так и удержание бедности на дистанции, режимы экономии (поиск способов получить/реализовать возможность льготного проезда в транспорте, доскональный подсчет сдачи в магазине, задерживающий очередь и т.д.), а так же рядом причин, не имеющих экономической этимологии. Представителям третьего возраста в силу ряда причин (состояние здоровья, необходимость приемлемого рабочего графика, низкая квалификация, эйджистские установки работодателей и т.д.) доступны лишь такие варианты трудоустройства (вахтер, уборщица, кондуктор), которые в силу их непрестижности и конфликтоопасности с высокой вероятностью усилят негативное восприятие пожилых окружающими.

Принятие стигмы собственной бедности и ущемленности, нередко давая тактические выгоды в виде ситуативных льгот или снижения требований, оборачивается стратегическим поражением, понижает общий социальный статус старости в России (см. также содержательно близкие рассуждения на тему «негативной идентификации» [Гудков 2000, с. 40-41])– метафорически это можно описать как «проедание перспектив», но не индивидуальных, а скорее групповых, или даже относящихся к возрастной позиции [Смолькин 2010, с. 186-199].

3. Образы/реакции самих пожилых людей, несовместимые с практиками уважения

Причины неоказания уважения к пожилым людям со стороны молодежи неверно сводить, например, к «отсутствию воспитания» или каким-либо еще формам ее морального несовершенства. Для доказательства этого тезиса проанализируем следующее наблюдение – нередко даже носители культурной традиции, предполагающей уважение к старшим (например, мигранты из сельской местности, кавказских республик и Средней Азии), в условиях крупного российского города его не проявляют – по крайней мере, в предполагаемых их собственной культурой объемах.

По всей видимости, представления о норме уважения у мигрантов остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем российские

городские стандарты, и главные деформации приходится именно на поведение, но происходят они медленно и порой почти незаметно для них самих.

Среди причин того, что представители культур с традиционно уважительным отношением к старости не проявляют его в должной степени в российских условиях, необходимо назвать следующие:

а) *исчезновение способов реализации уважения* – несимметричные реакции пожилых людей в России в ситуациях межпоколенческих контактов сбивают с усвоенных моделей реализации уважения даже носителей «уважительной» культурной традиции; несмотря на редкость таких случаев, они могут изменять траектории поведения субъекта или свидетеля таких ситуаций.

И.: А здесь ваша модель поведения не поменялась? Или уже иногда не встанете [не уступаете место], задумаетесь?

Р.: Нет. Я встаю. ... И вот дело в том, что человек, которому я встала, он удивляется (смеется): «Зачем вы встали? Нет, садитесь, я постою!» И мне становится странно, почему он мне так говорит, когда он старше меня, и я ему уступаю место. Бывают такие случаи.

(М. 19 лет, ж., ингушская культурная традиция, г. Назрань)

Р.: ...Знаете, я никогда тоже с такими бабушками, как здесь, или дедушками, не встречалась. Нет, ну я ничего плохого не могу сказать, но... все-таки уже не то. Чего-то боятся, они чего-то... <...>

И.: И здесь вы встретились с агрессивными старушками?

Р.: Ну не все, я говорю, некоторые есть такие.

И.: Но вот они сбивают вас с модели, что всегда нужно помогать?

Р.: Да, не всегда нужно помогать. Не всем.

И.: И у вас были случаи, когда по отношению к вам была агрессия, недоброжелательность?

Р.: Ну, не то что бы... нет. Не то что агрессия, но как-то... «без вашей помощи обойдемся». И мне как-то уже неприятно самой становится. Что я буду? Мне это особо-таки и не надо, я просто хотела помочь...

(З. 19 лет, ж., опыт дагестанской культурной традиции,

Воронежская область, с. Пески)

б) *неопределенность объекта уважения – нестатусное* (в первую очередь с точки зрения представителей традиционных культур) поведение пожилых может не просто вступать в противоречие с имеющимися представлениями о норме, но и дисквалифицировать пожилого человека как потенциальный объект уважения; как следствие, не все пожилые люди воспринимаются молодежью как потенциальные объекты уважения, фактор возраста сам по себе не включает никаких соответствующих моделей поведения; необходимость предварительной классификации пожилых по признаку необходимости оказания уважения приводит к замедленным «положительным» реакциям либо нейтральному отношению.

И.: А бывают ситуации, когда Вы не проявляете уважение?

Р.: Вы знаете, бывают. Особенно после того, как понаблюдаешь такие моменты, когда... Зашли, вот опять ситуация, дед со своим внуком, посадили внука, а сами стоят. В таких случаях у меня тоже не возникает желания уступить этому человеку. Раз он решил посадить своего внука, а самому стоять – не знаю, я считаю, что это неправильное воспитание, и поэтому не желаю тоже вставать и уступать этому человеку.

(Х. 20 лет, м., дагестанская культурная традиция, г. Дербент)

в) в городских условиях *строгое следование традициям*, особенно таким, которые непонятны/незаметны для аборигенов, *может стать поводом для насмешек* или иных репрессивных действий. Возможно, частью мигрантов такая приверженность традициям под давлением окружения начинает восприниматься как признак слабости/несамостоятельности, непрестижный/устаревший вариант поведения, от которого следует отказаться для успешной адаптации [Смолькин 2010].

Р.: Даже если в аудиторию заходят, у нас принято старшего пропускать, даже если он не старый, а старшие тебя ... [А здесь] ничего, никакого уважения незаметно.

И.: А для вас это дискомфорт?

Р.: Дискомфорт. Я когда первый год, я становилась у двери, и ждала, когда все зайдут старше меня. Меня всегда одноклассники подкалывали. Ну, я привыкла сейчас...

(М. 19 лет, ж., ингушская культурная традиция, г. Назрань)

Специфика выборки не позволяет судить о распространенности описанных установок по отношению к пожилым, однако результаты предварительного анкетирования, данные других исследований и контекст интервью (информантам, как правило, казалось, что они проговаривают общеизвестные вещи) склоняют к предположению о типичности описанных ситуаций. Перевод полученных результатов в формат анкетного опроса поможет сделать оценки масштабов и ранжирования по значимости такого рода влияний на повседневные практики уважения к пожилым людям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некорректно пытаться исследовать отношение к старости в современной России исключительно в контексте межпоколенческих отношений. Отсутствие уважительных действий в ряде ситуаций может быть объяснено не столько прямым («плохо отношусь»), сколько латентным влиянием аномии, особенно для подростков, часто объявляемых главными носителями «неуважительного отношения». Чаще всего речь следует вести не о неуважении как таковом, а о блокировке уважительных действий вследствие неосвоенности таких моделей поведения, которые позволяли бы такое уважения проявить; это становится особенно заметным при изучении молодежных субкультур и ситуаций взаимодействия с группой подростков.

Неверным будет утверждать, что респонденты не чувствуют уважения по отношению к пожилым людям. Скорее норма демонстрации уважения к представителям третьего возраста оказывается в ситуации вынужденной конкуренции со многими другими нормами более практичного характера. Являясь скорее церемониальной, чем содержательной нормой, уважение к старости часто не находит воплощения в ситуациях, предполагающих возможность уклониться от нормы с помощью правил нарушения правил.

Однако общее представление о том, что «старость в России не уважают», задает формат восприятия повседневных практик – вследствие фундаментальной ошибки атрибуции как неуважительные действия маркируются и такие, которые могут быть объяснены иначе и часто оказываются скорее нейтральными или нейтрально-безразличными по вполне объективным причинам (например, «не заметил пожилого человека», «не мог оказать помощь, уступить место» и т.п.). Нейтральное отношение же оказывается и вовсе лишено форм практического воплощения, и внешним наблюдателем будет восприниматься как «неуважительное». Как результат, отношение к представителям третьего возраста может представляться хуже, чем в действительности, как внешним наблюдателям, так и самим пожилым людям.

На практике «хорошее отношение» к пожилым людям часто оказывается нереализованным проектом, декларируемое «уважительное отношение» не переходит в действия. Среди причин этого можно назвать следующие:

Ситуация межпоколенческих контактов в ряде случаев изначально оказывается потенциально-конфликтной: для молодежи характерны настороженно-безразличные аттитюды по отношению к пожилым людям, многими из них в ходе интервью оговаривалась необходимость симметричного уважения со стороны самих представителей третьего возраста. Типичны уклонение от взаимодействия в публичных местах, мнение, что многие пожилые сами имеют негативные стереотипы о молодежи (более агрессивные, чем традиционные стереотипы о самих пожилых), склонность пресекать попытки всяких воспитательных действий со стороны незнакомых пожилых людей. Негативные ожидания каждой из сторон помогают истолковывать всякие неоднозначные действия другого как потенциально конфликтные, что обостряет ситуацию, не оставляя место тому, что можно было бы описать как «нейтральное поведение». Для пожилого человека инициируемый им конфликт может быть лишь способом общения с целью преодоления одиночества, для психологической разрядки, артикуляции поколенческой идентичности. Важной причиной конфликтов является агрессивно-аномический (пост)советский стиль коммуникации (например, модель поведения «агрессивной жертвы»), препятствующий проявлению любых форм солидарности.

Ограниченность в средствах представителей третьего возраста способствует возникновению особых поведенческих практик, дающих тактическое преимущество, по потенциально способных понизить статус пожилого человека и способствовать закреплению негативных стереотипов о старости. Пожилые люди в силу множества причин (состояние здоровья, отсутствие опыта работы с современными технологиями, стереотипы работодателей и т.д.) могут рассчитывать лишь на те варианты трудоустройства, которые в силу их специфики только усилят некоторые стереотипы о позднем возрасте (вахтер, уборщица, билетер и т.п.).

При этом бедность может предполагаться в тех ситуациях, ключевой причиной которых она не является, и действия пожилых управляются не столько экономической логикой, сколько логикой социокультурного опыта (ресурсосберегающее поведение, несклонность к престижному потреблению и тратам на сервисные услуги, прочими рудиментами советского менталитета) и/или возрастной позиции (названные выше «экономичные» модели поведения как следствие отсутствия жизненных притязаний и общей фрустрированности,

психологическая самозащита старыми вещами, требование льгот как знаков уважения и заботы).

Уважение к представителям третьего возраста в локальных сообществах естественным образом вытекает из их социальной природы, поскольку такие сообщества являются первичными группами. Пренебрежение действиями, требуемыми «по статусу», грозит уклонившемуся потерей лица. Таким образом, отдельные эпизоды проявления уважения здесь оказываются звеньями в длинной цепи взаимопомощи, которые не имеет смысла рассматривать изолированно. Этой ситуации противопоставлена городская среда и ее публичные пространства, где обычно действия являются анонимными и не имеют обязательных последствий. Однако это противопоставление не объясняет различий в понимании норм уважения в российских селах и на Кавказе, странах Средней Азии и т.п. «посттрадиционных» культурах. Как мы предполагаем, эти различия могут быть зафиксированы следующим образом: «кавказская» модель уважения к пожилым построена на уважении к старшему его высокого авторитета (*«уважение к мудрости/статусу»*) и авторитета его рода, в то время как модель, характерная для российских сел (и воспроизводимая в городах – но с гораздо большим количеством нарушений) есть именно особая форма несимметричной помощи или благотворительности (*«уважение как помощь нетрудоспособному»*).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Aberson, C.L., Haag, S.C. Contact, Perspective Taking, and Anxiety as Predictors of Stereotype Endorsement, Explicit Attitudes, and Implicit Attitudes / C.L. Aberson, S.C. Haag // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 2007. – Vol. 10. – №2. – P. 179-201.
- 2 Barton, A.H. Asking the Embarrassing Question / A.H. Barton // *Public Opinion Quarterly*. – 1958. – Vol. 22. – P. 67- 68.
- 3 Biesanz, J.C., Neuberg, S.L., Smith, D.M., Asher, T., Judice, T.N. When Accuracy-Motivated Perceivers Fail: Limited Attentional Resources and the Reemerging Self-Fulfilling Prophecy / J.C. Biesanz [and other] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol. 27. – № 5. – P. 621-629.
- 4 Bodenhausen, G.V., Macrae, C.N. Stereotype Activation and Inhibition / G.V. Bodenhausen, C.N. Macrae // *Stereotype Activation and Inhibition*; ed. by S.R. Wyer. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1998. – Vol. 11. – P. 1-52.
- 5 Corkrey, R., Parkinson, L. A comparison of four computer-based telephone interviewing methods: Getting answers to sensitive questions / R. Corkrey, L. Parkinson // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. – 2002. – Vol. 34. – №3. – P. 354-363.
- 6 Couper, M.P., Singer, E., Tourangeau, R. Understanding the Effects of Audio-Cassette on Self-Reports of Sensitive Behavior / M.P. Couper, E. Singer, R. Tourangeau // *The Public Opinion Quarterly*. – 2003. – Vol. 67. – №3. – P. 385-395.
- 7 Dijksterhuis, A., Macrae, C.N., Haddock, G. When Recollective Experiences Matter: Subjective Ease of Retrieval and Stereotyping / A. Dijksterhuis, C.N. Macrae // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1999. – Vol. 25. – №6. –P. 760-768.
- 8 Eagly, A. H., Chaiken, S. Attitude structure and function / A. H. Eagly, S. Chaiken // *The handbook of social psychology*. – New York: McGraw-Hill, 1998. – Vol. 1. – P. 269-322.
- 9 *Encyclopedia of Sociology* / Ed. by Edgar F. Borgatta, Rhonda Montgomery. – 2nd ed. – New York: The Gale Group, 2000. – Vol. 1.
- 10 Fricker, M. Powerlessness and Social Interpretation / M. Fricker // *Episteme: A Journal of Social Epistemology*. – 2006. – Vol. 3. – №1-2. – P. 96-108.
- 11 Galtung, J. Violence, Peace, and Peace Research / J. Galtung // *Journal of Peace Research*. – 1969. – Vol. 6. – №3. – P. 167-191.
- 12 Harway-Herman, M. Stereotyping: Some Effects on the Target Person / M. Harway-Herman // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1974. – Vol. 1. – №1. – P. 290-292.
- 13 Haslam, S.A., McGarty, C., Brown, P.M. The Search for Differentiated Meaning is a Precursor to Illusory Correlation / S.A. Haslam, C. McGarty, P.M. Brown // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1996. – Vol. 22. – №6. – P. 611-619.
- 14 Heilman, M.E. Description and prescription: How gender stereotypes prevent women's ascent up the organizational ladder / M.E Heilman // *Journal of Social Issues*. – 2001. – Vol. 57. – №4. – P. 657-674.
- 15 Howarth, C. How Social Representations of Attitudes Have Informed Attitude Theories: The Consensual and the Reified / C. Howarth // *Theory & Psychology*. – 2006. – Vol. 16. – №5. – P. 691-714.
- 16 Kalton, G., Schuman, H. The Effect of the Question on Survey Responses: A Review / G. Kalton, H. Schuman // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)* – 1982. – Vol. 145. – №1. – P. 42-73.
- 17 Kawakami, K., Dovidio, J.F. The Reliability of Implicit Stereotyping / K. Kawakami, J.F. Dovidio // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2001. –Vol. 27. – №2. – P. 212-225.

- 18 Kawakami, K., Young, H., Dovidio, J.F. Automatic Stereotyping: Category, Trait, and Behavioral Activations / K. Kawakami., H. Young, J.F. Dovidio // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2002. – Vol. 28. – №1. – P. 3-15.
- 19 Kempf, D.S. Attitude formation from product trial: Distinct roles of cognition and affect for hedonic and functional products / D.S. Kempf // *Psychology and Marketing*. – 1999. – Vol. 16. – №1. – P. 35-50.
- 20 Lyons, A., Kashima, Y. Maintaining stereotypes in communication: Investigating memory biases and coherence-seeking in storytelling / A. Lyons, Y. Kashima // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2006. – Vol. 9. – №1. – P. 59-71.
- 21 Madden, T.J., Ellen, P.S., Ajzen, I. A Comparison of the Theory of Planned Behavior and the Theory of Reasoned Action / T.J. Madden, P.S. Ellen, I. A. Ajzen // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1992. – Vol. 18. – №1. – P. 3-9.
- 22 Madon, S., Gyll, M., Hilbert, S.J., Kyriakatos, E., Vogel, D.L. Stereotyping the Stereotypic: When Individuals Match Social Stereotypes / S. Madon [and other] // *Journal of Applied Social Psychology*. –2005. –Vol. 36. – №1. – P. 178-205.
- 23 Makkai, T., McAllister, I. Measuring social indicators in opinion surveys: a method to improve accuracy on sensitive questions / T. Makkai, I. McAllister // *Social Indicators Research*. – 1992. – Vol. 27. – №2. – P. 169-186.
- 24 Malle, B.F. How the mind explains behavior: folk explanations, meaning, and social interaction / B.F. Malle. – Cambridge, The Massachusetts Institute of Technology Press, 2004.
- 25 Marquis, K.H., Marquis, M.S., Polich, J.M. Response Bias and Reliability in Sensitive Topic Surveys / K.H. Marquis, M.S. Marquis, J.M. Polich // *Journal of the American Statistical Association*. – 1986. – Vol. 81. – №394. – P. 381-389.
- 26 McGarty, C., Yzerbyt, V.Y., Spears, R. Social, cultural and cognitive factors in stereotype formation / C. McGarty, V.Y. Yzerbyt, R. Spears // *Stereotypes as Explanations: The Formation of Meaningful Beliefs about Social Groups*. –Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- 27 Mensch, B.S., Hewett, P.C., Erulkar, A.S. The Reporting of Sensitive Behavior by Adolescents: A Methodological Experiment in Kenya / B.S. Mensch, P.C. Hewett, A.S. Erulkar // *Demography*. – 2003. – Vol. 40. – №2, – P. 247-268.
- 28 Olson, J.M., Maio, G.R. Attitudes in Social Behavior; eds. T. Millon & M. J. Lerner / J.M. Olson, G.R. Maio // *Handbook of Psychology. Personality and social psychology*. – 2003. – Vol. 5. – P. 299-325.

- 29 Oskamp, S., Schultz P.W. Attitudes and opinions / S. Oskamp, P.W. Schultz. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.
- 30 Otten, S., Epstude, K. Overlapping Mental Representations of Self, Ingroup, and Outgroup: Unraveling Self-Stereotyping and Self-Anchoring / S. Otten, K. Epstude // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2006. – Vol. 32. – №7. –P. 957-969.
- 31 Phillipson, C., Biggs, S. Modernity and Identity: Themes and Perspectives in the Study of Older Adults / C. Phillipson, S. Biggs // Journal of Aging and Identity. – 1998. –Vol. 3. – №1. –P. 11-23.
- 32 Pleasants, N. Institutional Wrongdoing and Moral Perception/ N. Pleasants // Journal of Social Philosophy. 2008. –Vol. 39. No. 1. P. 96–115.
- 33 Roessel, J., Collins, R. Conflict Theory and Interaction Rituals: The Microfoundations of Conflict Theory / J. Roessel, R. Collins // Handbook of Sociological Theory; ed. by Jonathan H. Turner. – N.Y.: Springer, 2006. – P. 509–531.
- 34 Rothman, A.J., Hardin, C.D. Differential Use of the Availability Heuristic in Social Judgment / A.J. Rothman, C.D. Hardin // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1997. – Vol. 23. – №2. – P. 123-138.
- 35 Ruscher, J.B., Hurley, M.M. Off-Target Verbosity Evokes Negative Stereotypes of Older Adults / J.B. Ruscher, M.M. Hurley // Journal of Language and Social Psychology. – 2000. –Vol. 19. – №1. – P. 141–149.
- 36 Sherman, S.J., Hamilton, D.L., Roskos-Ewoldsen, D.R. Attenuation of Illusory Correlation / S.J. Sherman, D.L. Hamilton // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1989. – Vol. 15. – №4. – P. 559-571.
- 37 Shrira, I., Martin, L.L. Stereotyping, Self-Affirmation, and the Cerebral Hemispheres / I. Shrira, L.L. Martin // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2005. – Vol. 31. – №6. – P. 846-856.
- 38 Singer, E., Frankel, M.R., Glassman M.B. The Effect of Interviewer Characteristics and Expectations on Response / E. Singer, M.R. Frankel, M.B. Glassman // The Public Opinion Quarterly. – 1983. –Vol. 47. – №1. – P. 68-83.
- 39 Smith, M.R., Alpert, G.P. Explaining Police Bias: A Theory of Social Conditioning and Illusory Correlation / M.R. Smith, G.P. Alpert // Criminal Justice and Behavior. – 2007. – Vol. 34. – №10. – P. 1262-1283.

- 40 Tamhane, A.C. Randomized Response Techniques for Multiple Sensitive Attributes / A.C. Tamhane // Journal of the American Statistical Association. – 1981. – Vol. 76. – №376. – P. 916-923.
- 41 Taylor, Sh.E., Falcone, H.T. Cognitive Bases of Stereotyping: The Relationship between Categorization and Prejudice / Sh.E. Taylor, H.T. Falcone // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1982. – Vol. 8. – №3. – P. 426-432.
- 42 Thomas, J. Audio computer-assisted self-interviews do not necessarily yield higher reports of sensitive behaviors / J. Thomas // International Perspectives on Sexual and Reproductive Health. – 2009. – Vol. 35. – №1. – P. 48-49.
- 43 Tian, G.-L., Yu, J-W., Tang, M.-L., Geng, Zh. A new non-randomized model for analysing sensitive questions with binary outcomes / G.-L. Tian, J-W. Yu, M.-L. Tang, Zh. Geng // Statistics in Medicine. – 2007. – Vol. 26. – P. 4238–4252
- 44 Tourangeau, R., Smith, T.W. Asking Sensitive Questions: The Impact of Data Collection Mode, Question Format, and Question Context / R. Tourangeau, T.W. Smith // The Public Opinion Quarterly. – 1996. – Vol. 60. – №2. – P. 275-304.
- 45 Tracy, P.E., Fox, J.A. The Validity of Randomized Response for Sensitive Measurements / P.E. Tracy, J.A. Fox // American Sociological Review. – 1981.–Vol. 46. – №2. – P. 187-200.
- 46 Zipp, J.F., Toth, J. She Said, He Said, They Said: The Impact of Spousal Presence in Survey Research / J.F. Zipp, J. Toth // The Public Opinion Quarterly. – 2002. – Vol. 66. – №2. – P. 177-208.
- 47 Агеев, В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов / В.С. Агеев // Вопросы психологии. – 1986. – №1. – 97 с.
- 48 Адорно, Т. Исследование авторитарной личности; под общ. ред. д. филос. н. В. П. Култыгина / Т. Адорно. – М.; Серебряные нити, 2001.– 416 с.
- 49 Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, – 1995. – 323 с.
- 50 Герасков, Е. Некоторые аспекты интуиции и установки / Е. Герасков // Вопросы психологии. – 1988. – №5. – С. 117-121.
- 51 Голенкова, З.Т., Игитхян, Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитхян // Социологические исследования. – 1999. – №9. – С. 22-33.

- 52 Гофман, А.Б. О необычайном расцвете одного социального института: всеобщего воспитательного права / А.Б. Гофман // Рубеж: Альманах социальных исследований. – 1991. – № 1. – С. 172–178.
- 53 Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу: пер. с англ., под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева / Э. Гофман. – М.: Смысл, 2009. – С. 18-63.
- 54 Гудков, Л. К проблеме негативной идентификации / Л. Гудков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №5 (49). – С. 35-44.
- 55 Демченко, Т.А. Тенденции смертности в России 90-х годов / Т.А. Демченко // Социологические исследования. – 2002. – №10. – С. 109-113.
- 56 Жаковска, М. Эволюция российской молодежной культуры / М. Жаковска // История и современность. – 2011. – № 2. – С. 194–206.
- 57 Журавлев, В.Ф. Анализ коммуникаций в качественном интервью / В.Ф. Журавлев // Социология: методология, методы и математическое моделирование. – 1996. – №7. – С. 81-102
- 58 Имедадзе, И.В. Ситуативное развитие мотивации и установка / И.В. Имедадзе // Вопросы психологии. – 1989. – №2. – С. 90-97.
- 59 Кошкина, Е.А., Павловская, Н.И., Ягудина, Р.И., Куликов, А.Ю., Усенко, К.Ю. Медико-Социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в Российской Федерации / Е.А. Кошкина [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. – 2010. – № 2 (14). – С. 1–12.
- 60 Кривошеев, В.В. Особенности аномии в современном российском обществе / В.В. Кривошеев // Социологические исследования. – 2004. – №3. – С. 93-97.
- 61 Левада, Ю. Варианты адаптивного поведения / Ю. Левада // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 1 (57). – С. 7–13.
- 62 Леонтьев, Д.А. Гордон Оллпорт – архитектор психологии личности / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – №3. – С. 23-30.
- 63 Лиотар, Ж.-Ф. Феноменология: пер. с франц. / Ж.-Ф. Лиотар / Пер. Б.Г. Соколова. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2001. – 160 с.

- 64 Липпман, У. Общественное мнение: пер. с англ. / У. Липпман / Пер. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
- 65 Лисовский, В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях / В.Т. Лисовский // Социологические исследования. – 2002. – №7. – С. 111-116.
- 66 Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
- 67 Мищенко, М. Исследование влияния интервьюера на ответы информанта: результаты методического эксперимента / М. Мищенко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – №1. – С. 129-134.
- 68 Мягков, А.Ю. Всегда ли информанты говорят правду? / А.Ю. Мягков // Социологические исследования. – 2008. – №9. – С. 20-31.
- 69 Мягков, А.Ю. Искренность респондентов в сенситивных опросах. Методы диагностики и стимулирования / А.Ю. Мягков. – М.: ООО «Вариант», 2012. – 328 с
- 70 Мягков, А.Ю., Журавлева, И.В. Объяснительные модели эффекта интервьюера. Опыт экспериментального тестирования / А.Ю. Мягков, И.В. Журавлева // Социологические исследования. – 2006. – №3. – С. 85-97.
- 71 Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова / Э. Ноэль-Нойман. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
- 72 Образцов, И.В., Соловьёв, С.С. Социальные проблемы бывших кадровых военнослужащих/ И.В.Образцов, С.С. Соловьёв // Социологические исследования. – 1998. – №4. – С. 70-81.
- 73 Писарев, А.В. Образ пожилых в современной России / А.В. Писарев // Социологические исследования. – 2004. – №4. – С. 51-56.
- 74 Рождественская, Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком / Н.А. Рождественская // Вопросы психологии. – 1986. – №4. – С. 69-76.
- 75 Рущенко, И. «Криминальная революция» как социетальный фактор / И. Рущенко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – №3. – С. 194-210.
- 76 Саралиева, З.М., Балабанов, С.С. Пожилой человек в центральной России / З.М. Саралиева, С.С. Балабанов // Социологические исследования. – 1999. – №12. – С. 54-63.

- 77 Смолькин А.А. Межпоколенческие конфликты в повседневной жизни // Социологические исследования. – 2010. - №5 – С. 110-114.
- 78 Смолькин, А.А. Возрастные группы: позиционирование в отношении к старости / А.А. Смолькин // Современный дискурс социальной эксклюзии. – Саратов: СГТУ, 2005. – С. 68-83.
- 79 Смолькин, А.А. Искажения в самоописаниях в ходе неформализованного интервью: сенситивные ситуации и стратегии самообъяснения информантов / А.А. Смолькин // Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. №3. – С. 64-79.
- 80 Смолькин, А.А. Парадоксы отношения к пожилым людям в современной России / А.А. Смолькин // Социологический журнал. – 2008. – №3. – С. 106-121.
- 81 Смолькин, А.А. Практики повседневных межпоколенческих конфликтов глазами студентов провинциального вуза: этнографическое эссе / А.А. Смолькин // Антропологический форум. – 2015. - №25. – С. 91-117.
- 82 Смолькин, А.А. Социокультурная динамика отношения к старости: дис. канд. соц. наук. / Смолькин Антон Александрович. – Саратов, 2004.
- 83 Соколов, А.В. Современное студенчество: интеллектуально-нравственная дифференциация / А.В. Соколов // Актуальные проблемы социологии молодежи; под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – С. 594–602.
- 84 Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские: пер. с англ. / Г. Спенсер. – Минск: Современный литератор, 1999.
- 85 Филюшкина, С. Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода) / С. Филюшкина // Логос. – 2005. – №4(49). – С. 141-155.
- 86 Шанин, Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни / Т. Шанин // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 77-93.
- 87 Шихирев, П.Н. Исследования стереотипа в американской социальной науке / П.Н. Шихирев // Вопросы философии. – 1971. – №5. – С. 168-175.